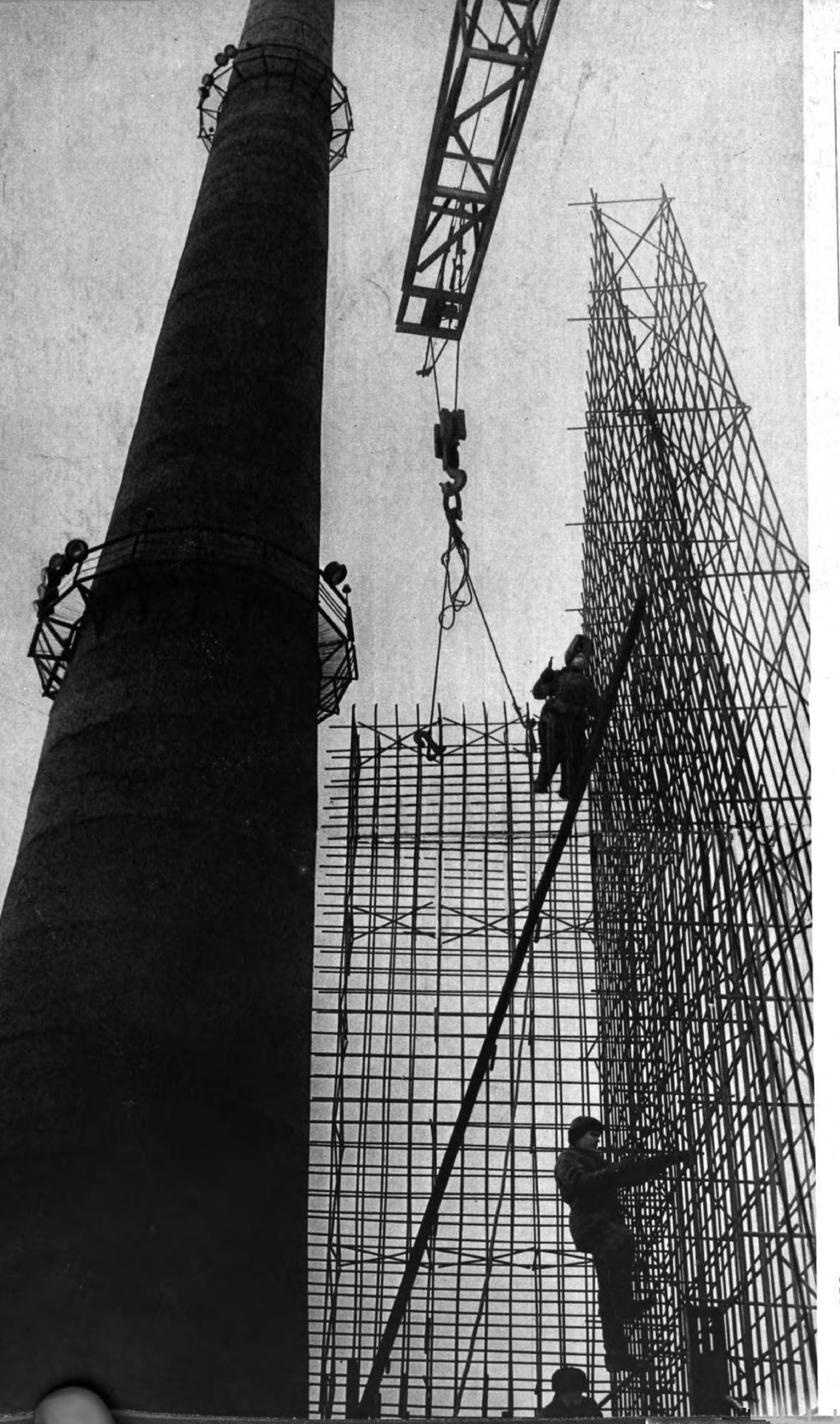

ОГОНЁК
2 ЯНВАРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 2 (1803)

7 ЯНВАРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

С каждым часом растут каркасы установок Ново-Воронежской атомной электростанции.

Фото А. Горячева.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД СЕМИЛЕТКИ!

2 января 1962 года

↑ К сталевару московского завода «Серп и молот» В. В. Клюеву 1962 год пришел ранее положенного времени. В прошлом году Виктор Владимирович дал сверх плана около 400 тонн стали. Работать в счет 1962 года сталевар уже привык. Вероятно, и пятый год семилетки он тоже встретит досрочно!

Фото М. Савина.

→ Первую трудовую вахту четвертого года семилетки несет конвейер выпуска приборов высокого класса точности на киевском заводе «Точэлектроприбор». Вахта должна быть сдана на «отлично»: ведь завод удостоен высокого звания предприятия коммунистического труда.

Фото Н. Козловского.

↓ На Петродворцовом часовом заводе Новый год встречали новыми делами. Второго января здесь заканчивали сборку первой опытной партии ручных часов. Обычная часовая пружина заменена в них крохотным электрическим двигателем, который питается от батарейки постоянного тока. Будущим владельцам этих часов не придется заботиться об их заводе: батарейки хватает на целый год!

Фото Г. Копосова.





КЛЮЧ К ПЛ

Г. А. НАЛИВАЙКО,
Герой Социалистического Труда,
директор Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства

За последние месяцы мне пришлось принять участие в нескольких зональных совещаниях работников сельского хозяйства и неоднократно рассказывать о делах нашего института. А дела института и тех алтайских хозяйств, которые следуют его рекомендациям, таковы, что они доказали порочность травопольной системы земледелия. Мы применяем иную систему — пропашную. О сущности и различии двух противоборствующих систем я и хочу рассказать.

Земля — одно из главных богатств человечества. Пользоваться им правильно — величайшее искусство. Ежечасно, ежеминутно в почве происходят удивительно сложные физико-химические и биологические процессы. Искусство в том, чтобы знать эти процессы, управлять ими. Восстановление плодородия — вот задача земледельца и существо поднятого вопроса.

Давно уже человек, лучшие люди сельскохозяйственной науки искали и ищут волшебный ключ к плодородию. Создавались все более совершенные орудия и способы обработки земли; рождались более урожайные сорта; человек научился возвращать земле в виде удобрений часть взятых у нее веществ. Но и задача усложнялась: как можно полнее, быстрее восстановить в почве ее материнскую силу.

Так вот в нашей отечественной науке сложились две точки зрения на систему подъема плодородия. Одна принадлежала академику Василию Робертовичу Вильямсу, другая — академику Дмитрию Николаевичу Прянишникову. Они возглавили разные школы советской агрономической науки.

Известно, что В. Р. Вильямс разработал травопольную систему земледелия. В чем ее сущность? Урожай дает только структурная почва. Восстановить плодородие — значит восстановить структуру. А восстанавливают ее в результате своей жизнедеятельности только смеси многолетних злаковых и бобовых трав. В. Р. Вильямс считал, например, что неэффективно применять минеральные удобрения, пока не создана, не восстановлена структура.

Что же получилось? Все силы, научные и производственные, были брошены на разработку и внедрение многолетних травопольных севооборотов, на поиск сложных травосмесей и агротехники возделывания многолетних трав. Отсюда поклонение травам, как панацее от всех бед. Люди, уверовавшие в силу развитой В. Р. Вильямсом теории, требовали от земледельцев не хлеба, не мяса и молока, а прежде всего хорошего пласта многолетних трав.

О чем говорит учение Дмитрия Николаевича Прянишникова? Дмитрий Николаевич предлагал не ждать, когда будет идеальной структура почвы; он предлагал выбросить на межу малоурожайные культуры, широко возделывать растения, богатые белком, а главное — возможно больше вносить в почву органических и минеральных удобрений, для чего всемерно развить химическую промышленность, максимально индустриализировать сельскохозяйственное производство, более интенсивно вести хозяйство.

В. Р. Вильямс утверждал, что принцип севооборота должен оставаться незыблемым — ежегодно чередовать культуры. Только многолетним травам он разрешал поселяться на поле на два-три года. По Вильямсу, ключ к плодородию — это структурообразующие многолетние травы, а по Прянишникову, таким ключом могут быть и высокоурожайные культуры, дающие наибольшее количество сухого вещества с гектара. Такими культурами и являются кукуруза, сахарная свекла, бобы, картофель, горох.

Земледелие в некоторых районах попало в заколдованный круг: мало кормов (травы оказались нещедрыми на урожай), а раз мало кормов — мало коров, скота; значит, мало навоза, органического удобрения; мало навоза — мал урожай, мал урожай—мало скота... Как разорвать этот круг? Максимально насытить севообороты пропашными культурами и бобовыми.

Жизнь показала, что выиграл тот, кто смело сломал травополку, изгнал с поля овес вместе с сорняками, прописал в своем хозяй-

---

Об этом говорили на съезде...

Предусматривается... к 1980 году иметь пять общесоюзных металлургических баз: на Урале, Украине, в районах Сибири и Дальнего Востока, в Казахстане и в центральных районах Европейской части СССР.

Из доклада Н. С. ХРУЩЕВА на XXII съезде КПСС.

ПЯТЬ БАЗ

С. М. МЕЛЕШКИН,
заместитель начальника отдела экономики и развития черной металлургии Госэкономсовета

Рассказать о металлургической двадцатилетке мы попросили горняка. Ведь в первую очередь от богатства рудников зависит продуктивность заводов.

Наш собеседник — Сергей Михайлович Мелешкин. Его задача — составлять перспективные планы по обеспечению металлургической двадцатилетки рудой.

Прежде всего хочу вам напомнить одно очень интересное место из доклада Н. С. Хрущева: «Подсчеты экономистов показали, что мы можем довести производство стали до более высокого уровня. Но мы пока приняли цифру примерно в 250 миллионов тонн». И действительно, мы можем выплавлять стали больше, чем кто бы то ни было. И все объясняется просто: в нашей стране — примерно половина мировых запасов железных руд.

И вот теперь представьте себе, сколько мы собираемся построить новых домен, сталеплавильных цехов, прокатных станов, если в 1960 году мы выплавили 65 миллионов тонн стали! Заводы, которые сейчас проектируются, — это такие богатыри, что знаменитая Магнитка по сравнению с ними покажется подростком.

Пока проектировщики не закончили своих последних расчетов, не стоит говорить, где встанут эти заводы. Но одно несомненно: решение этого вопроса зависит от географии месторождений железной руды. Сыграют тут свою роль и уголь, и газ, и вода, и электроэнергия, и коммуникации. Но они оказывают влияние на проектировщиков в той степени и в той последовательности, как тут перечислены. Уголь, правда, подвозить еще хлопотно. Газ же мы научились гнать по трубам не на одну тысячу километров. Что касается воды, то в Казахстане, например, сочли выгодным поворачивать вспять и такие реки, как Иртыш. Что касается электроэнергии, то страна и сегодня уже вдоль и поперек перепоясана мощными линиями электропередач, а когда будет создана единая энергетическая система, то с энергетическими «привязками» особенных трудностей мы не встретим.

Итак, создание пяти новых мощных общесоюзных металлургических баз обусловлено в первую очередь географией новых мощных железорудных месторождений. Где они?

В первую очередь я назову КМА. Вы спросите: а что тут нового? О необходимости осваивать КМА — Курскую магнитную аномалию — говорил еще В. И. Ленин. Да, о существовании аномалии известно давно. А известно ли вам, что теперь, когда КМА оконтурена, то есть выяснены границы ее распространения, справедливее было бы КМА назвать БМА, ибо более 80 процентов руд аномалии находятся вовсе не в Курской, а в Белгородской области. А общие рудные запасы этой «железной страны», растянувшейся на 200 километров в ширину и 800 километров в длину, столь велики, что если бы где-нибудь была найдена хоть одна пятидесятая этих запасов, то и такое месторождение признали бы ценным в промышленном отношении. КМА на многие десятилетия обеспечит рудой мощные базы Украины и центральных районов Европейской части Союза.

Перенесемся теперь в Казахстан. Кажется, давно ли группа геологов получила Ленинскую премию за разведку рудного чемпиона Казахстана — Соколовско-Сарбайского месторождения. Но вот в той же Кустанайской области, в 60 километрах от города Рудного, начинается новая стройка. Пока что сюда тянут энергию и строят дороги, но настанет время — и Рудный отойдет на второй план. Лисаковское месторождение в три раза богаче Соколовско-Сарбайского. И если в Рудном, чтобы добраться до руды, пришлось потратить годы, то здесь для вскрыши достаточно кое-где лишь пропустить бульдозеры. А в некоторых местах руда попадается даже при вскапывании огородов. Но огородники на это не жалуются: лисаковская руда очень богата фосфором. При ее переработке можно получить великолепные фосфорные удобрения. И где! В центре целинных земель! Лисаковская руда — двойной клад: и для металлургов и для хлеборобов. А если иметь в виду, что все в той же Кустанайской области,

ОДОРОДИЮ

стве королеву-кукурузу, матушку-свеклу и царя-гороха. Где нашли им место? Заняли пустовавшие из года в год пары, распахали травы. Таким образом, под посевами зерновых и ценных кормовых культур сразу оказалось вдвое, а то и втрое больше земли. Можно ли было так поступить раньше? Можно было! Ведь Д. Н. Прянишников обосновал свое учение в те же годы, когда В. Р. Вильямс настаивал на своем. Да ведь и настаивал-то как: для всех зон страны! В этом его основная ошибка. И не является ли такое поклонение ошибающемуся авторитету еще одним примером пагубного влияния культа личности на развитие сельскохозяйственной науки?..

Таково положение, сложившееся в нашей сельскохозяйственной науке.

Есть такое понятие — кормовая единица,— показывающее кормовую ценность той или иной культуры. За мерило этой ценности, за кормовую единицу условно взята питательность одного килограмма овса. Так вот, давайте посмотрим, что давал гектар травополки и что дает гектар пропашной системы. Чтобы получить центнер говядины, надо затратить 15 центнеров кормовых единиц. Сколько давали травы? Не будем строить расчеты на данных колхозов, где этих трав собирали мизерное количество. Возьмем данные Научно-исследовательского института центральных районов нечерноземной полосы. В хозяйстве «Немчиновка» средний урожай трав за последние годы составил тридцать центнеров с гектара, то есть как раз те пятнадцать центнеров кормовых единиц, которые дают центнер мяса. Займите этот гектар кукурузой — и вы получите самое меньшее сто центнеров кормовых единиц, или более шести с половиной центнеров мяса. С гектара! Займите его, этот гектар, сахарной свеклой, которая содержит сухого вещества вдвое больше, чем любой другой корнеплод, — и тогда вы получите не менее трехсот центнеров. А каждые десять килограммов сахарной свеклы и два килограмма бобов дают пять кормовых единиц. Значит, полученные с нашего гектара триста центнеров свеклы с соответствующей долей бобов дадут мяса в два с лишним раза больше, чем гектар трав.

Вот что такое пропашная система! Жизнь показала, что пользу от системы земледелия надо исчислять не в процентах структурных комочков в почве, а в центнерах зерна, мяса и молока, полученных с гектара пашни.

Все успехи Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства — в его теснейшей связи с производством. Каждая мысль, каждый теоретический вывод проверяется в поле, в колхозной бригаде. Семьдесят процентов своего рабочего времени сотрудники института отдают производству. Это она, производственная необходимость, нужда колхозов и совхозов края заставила институт работать над тем, что выдвинуто жизнью. Надо больше хлеба? Распахали целину и травы. Надо больше кормов? Заняли пары. Да не овсом-беднягой, а кукурузой, мощными бобами, горохом.

Земледельцы получили поистине волшебный ключ к плодородию. Не травы, а бобовые культуры вернут земле утраченные силы. Именно они связывают азот в почве, а этот процесс жизненно важен. Д. Н. Прянишников писал, что если не говорить о воде, то именно азот является могучим двигателем в процессе роста и творчества природы. Его уловить, им овладеть, его сберечь — вот в чем ключ к высокому урожаю, вот в чем тайна благосостояния. Что же касается органических веществ, которые, по мысли В. Р. Вильямса, в почве оставляют лишь многолетние травы, то кукуруза их оставляет не меньше, а даже больше! Сторонники травополья якобы берегли землю, оставляя пары, давали ей «отдохнуть». Этот «отдых» означал, что целый год в почве не создавались органические остатки, и год в смысле накопления перегноя проходил вхолостую. Вот тебе и плодородие!..

Новая пропашная система земледелия означает плодородие для всех полей.

Коли решили мы обогнать США по производству мяса, молока и других продуктов сельского хозяйства, коли стоит задача создать изобилие продуктов как решающее условие построения коммунизма, так уж надо и продуктивность земли поднять. Было бы преступлением занимать миллионы гектаров под маломощные овсы да травы, а то и просто оставлять их незасеянными. Теперь с этим бесхозяйственным подходом к земле покончено. Определен верный путь к резкому повышению продуктивности наших полей и ферм, к повышению плодородия, этого неиссякаемого источника изобилия в стране!

кроме этих двух, имеется еще и Аятское месторождение, запасы которого в два раза превосходят запасы двух предыдущих, вместе взятых, то станет очевидно: Казахстанская металлургическая база не будет сидеть на голодном пайке. Газ туда подойдет из Газли, электричество — с Волги. Уголь? Караганда и Экибастуз рядом. А повернуть Иртыш к западу — не самое сложное в этой проблеме.

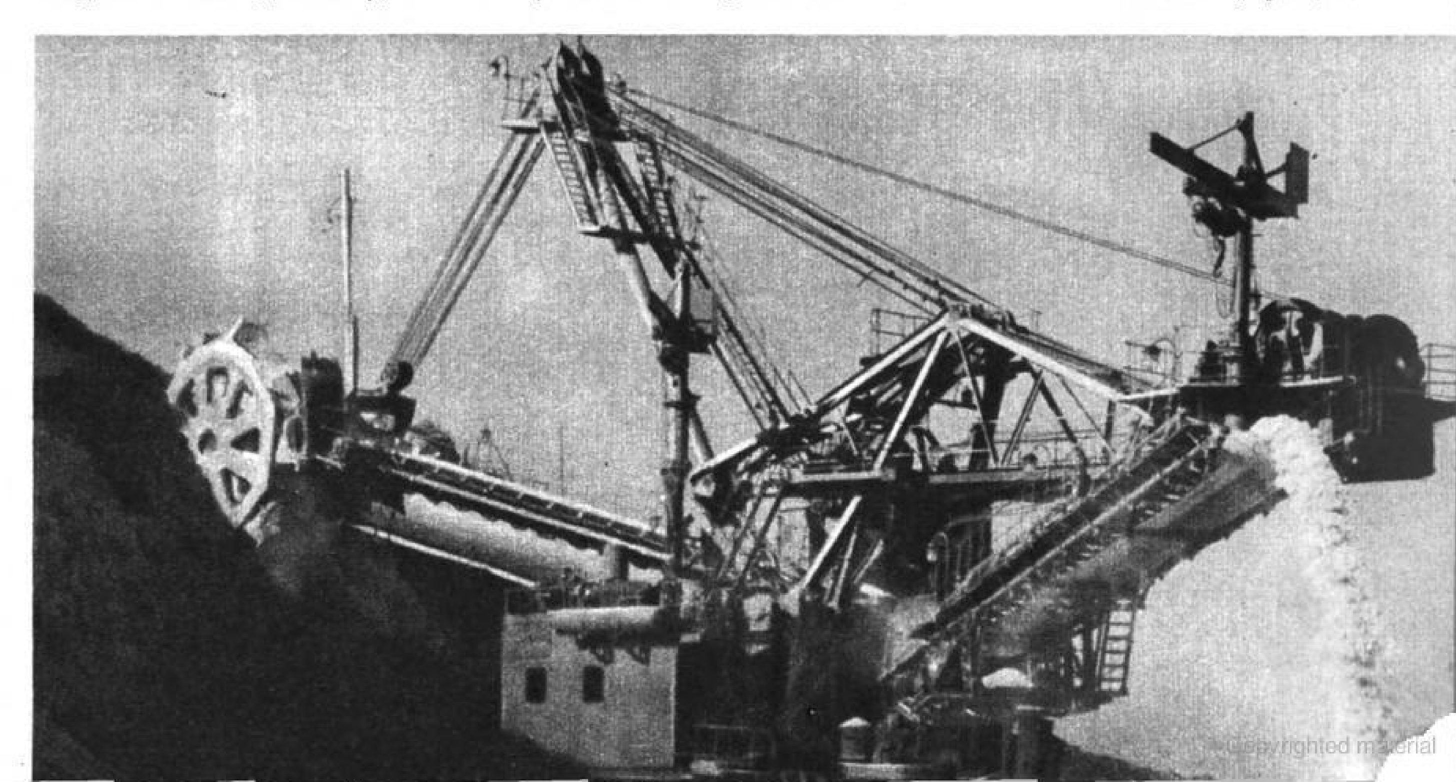
Затем — старик Урал. Уж, кажется, весь он исхожен и изъезжен геологами вдоль и поперек за две с лишним сотни лет. И все же нашелся в пороховницах старика солидный запас пороха. Гигантское Качканарское месторождение даст руду уже в 1962 году. А возле города Серова после дополнительно произведенной разведки нашлось еще одно — так называемое Гаринское. Серовскому заводу оно послужит не один десяток лет.

И последняя по счету, но не по значению — база Сибири и Дальнего Востока. Еще и в Кузбассе да и по соседству с ним разведчикам хватает работы, а за Енисеем — тут открыты, я бы сказал, фантастические клады. Любопытно, что заводы и горнообогатительные комбинаты, которые здесь намечено строить, по своим названиям напоминают великие энергетические стройки. Вам обязательно встречалось название «Тайшет», когда вы интересовались Братской ГЭС. Придет время — и вы услышите о строительстве Тайшетского металлургического завода. О проекте Нижне-Ангарской ГЭС говорилось немало. А знаете ли вы, что ее собираются построить так, чтобы большая вода не затопила Нижне-Ангарское месторождение, где будет построен Нижне-Ангарский горнообогатительный комбинат? И совпадение это в названиях металлургических и энергетических предприятий не просто любопытно, оно очень радует горняков и металлургов. Огромное количество техники нуждается в огромном количестве энергии.

О технике, которую предполагается использовать на добыче руды, судите по таким фактам. Мы уже проектируем шахты «безлюдной добычи руды». Там машины будут добывать руду без участия рабочих. В шахту спустятся лишь наладчики машин. Диспетчер, сидящий за пультом управления, окруженный телевизионными экранами, будет наблюдать за всем процессом добычи и отгрузки руды потребителям. Вам это может показаться сказкой, но ведь не так давно нам, горнякам, казалось фантастическим вести непрерывно процесс выемки и транспортировки породы в открытых рудниках. Взгляните на фотографию нового роторного экскаватора Ново-Краматорского завода. Эта тысячетонная махина высотой в пятиэтажный дом, образно выражаясь, одну свою руку запустила в карьер, а другую — длина другой может изменяться по желанию горняков — протягивает за три километра от места вскрыши до самого отвала. Заменяет такая машина несколько мощных шагающих экскаваторов и десятки автомашин, которые ей вообще не нужны.

Проходческие комбайны. Буровые станки с программным управлением. Экскаваторы мощностью 3 тысячи, 7 тысяч кубов в час. Конвейерные поезда. Автоматика. Телемеханика. Радиоэлектроника... Все это не далекое будущее, а реальность. Вот почему реальна и выплавка 250 миллионов тонн стали в 1980 году.

Новый роторный экскаватор.
Фото Н. Чупрынова.



— Расстреливали меня с детьми по приказу Хойзингера,— свидетельствует бывший слесарь Е. Е. Рымарь.

1-3 МАРТА 1943 ГОДА
ГИТЛЕРОВЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ 6700 ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА КОРЮКОВКИ
ВЕЧНАЯ СЛАВА ПОГИБШИМ

Свидетельству

Л. ЛЕСНАЯ

Фото О. Кнорринга.

Зимний морозный день. Изредка срываются снежинки и медленно оседают на крышах, на телеграфных проводах, на высоких ветвистых тополях. Ничто не напоминает о трагических событиях, разыгравшихся здесь в марте 1943 года, когда на месте украинского городка Корюковки остались обгорелые печные трубы, наспех сколоченные кресты да большая братская могила.

Но в памяти людей эти события живут и поныне.

Их немного осталось — живых свидетелей кошмарной ночи с 1 на 2 марта, когда, согласно инструкциям Хойзингера, городок Корюковка был сожжен гитлеровцами.

Эсэсовцы врывались в дома. Короткая очередь из автомата, струя керосина — и в темное небо взвивался огненный столб.

В центре города жителей сгоняли на площадь, выстраивали в очередь у входа в ресторан, вводили их по нескольку человек в зал, и полупьяный палач, озверевший от крови, стоя на буфете, расстреливал их из автомата.

Потом убитых облили бензином и подожгли. Когда палачи покинули Корюковку, живые собрали останки мертвых и закопали их в братскую могилу.

— Люди добрые! Не могу говорить! Не могу! Как вспомню — душа горит,— говорит Е. Н. Мазуркина.



У каждого, кто сидит в зале,



МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ — КОРЮКОВКА


Военный преступник Хойзингер.

УБИЙЦА ХОЙЗИНГЕР ОТВЕТСТВЕН ЗА СМЕРТЬ 6700 ЧЕЛОВЕК

ют расстрелянные

Все это и многое другое вспомнили жители Корюковки, когда 26 декабря 1961 года молча шли по широкой улице. Впереди — дети. Они несут венки из еловых веток и цветы. Среди молоденьких елей, запорошенных сверкающим инеем,— братская могила. У подножия — надпись:

«1—3 марта 1943 года гитлеровцы расстреляли 6 700 жителей поселка Корюковки».

Люди молча, сняв шапки, кладут на могилу цветы и уходят. А сколько в Корюковке одиноких могил! Одна — в саду Михаила Ивановича Мирошниченко.

— Одиннадцать душ лежат в этой могиле,— тихо говорит Михаил Иванович и снимает шапку.— Туточки во дворе их всех и убили. Жинку и пять деток — Ваню, Ондрия, Ольгу, Инну и Тамару. И соседей моих тоже. А меня всего пулями изрешетили. Как я в живых остался, и сам дивлюсь.

Пришел я в себя и думаю: то мне во сне поприснилось. Гляжу — жинка мертвая у крыльца лежит. А помню — убили ее в сарае. Значит, думаю, не до смерти они ее там убили, колы она до крыльца доползла. Хлопчик — Ванятка — посередь двора лежит. Видно, бежал сердечный из сарая, а гад его и пришиб. Дочки все, как цветики, градом побитые, в сарае лежат. У меня из ран так и хлещет.

Отлежался маленько и пошел к родным в соседнее село. Там обмыли меня, перевязали. Через семь дней вернулся я в Корюковку, до хаты. А хаты — нема. Одна печка черным перстом в небо торчит. Обступила меня скотина: коровы недоенные мычат, пить просят. Гуси гогочут, за ноги щиплют: есть хотят. И вместо сарая — голое пепелище. А на том пепелище люди обугленные, як головешки, лежат. И никого в лицо признать не можно. Так только, по одежде, по обуже и признал я своих.

Выкопал я яму, схоронил их, а

эсэсовцы убили кого-нибудь из родных.



Здесь похоронена семья М. И. Мирошниченко. А сколько таких могил в Корюковке!..



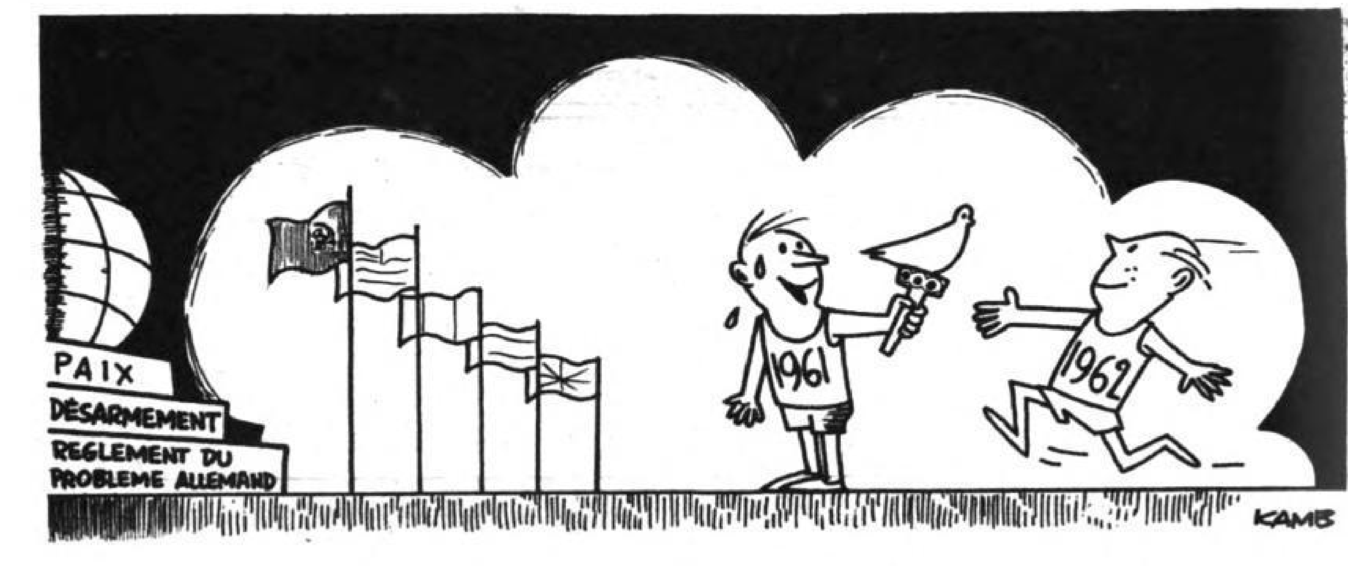


БИРМАНСКОМУ СОЮЗУ—14 ЛЕТ

4 января Бирманский Союз отмечает национальный праздник — День провозглашения независимости.

За 14 лет, которые прошли с тех пор, как Бирма обрела независимость, в жизни страны произошли большие перемены. Развивается национальная экономика, расцветает культура свободного народа, крепнут узы дружбы, связывающие нейтральную Бирму с Советским Союзом.

На снимке: Рангун. Монумент независимости.



1961-Й: — ВОТ ТЕБЕ ФАКЕЛ МИРА!

Рисунок французского художника КАМБА.

ЗАПАДНОЕ САМОА— НЕЗАВИСИМАЯ СТРАНА

Западное Самоа
о. Уполу
Апиа
о. Тутуила
Паго-Паго
Восточное Самоа (США)
о-ва Мануа
о. Тау
Тихий океан
Масштаб 0 50 км.
морские порты.
морские рейсы.
коралловые рифы.

На просторах Тихого океана раскинулся архипелаг Самоа. Местная легенда повествует о том, что бог Тагалоа сбросил в океан камни, которые легли в нем островами. Затем он послал на землю свою дочь посадить там виноградную лозу. Так началась, свидетельствует легенда, жизнь на островах.

Наука считает, что предки нынешних жителей островов — самоанцев — прибыли из отдаленных районов Юго-Восточной Азии. Со второй половины прошлого века острова Самоа оказались на торговых путях европейских держав, стали ареной ожесточенной борьбы между колонизаторами. В 1899 году архипелаг был поделен между Германией и США. США захватили Восточное Самоа, которое и по сей день продолжает оставаться американской колонией; остров Тутуила превращен США в крупную военно-морскую базу. Германия завладела Западным Самоа. В начале первой мировой войны Новая Зеландия оккупировала Западное Самоа.

Самоанцы во многом сохранили свою самобытность. Мало кто может сравниться с ними в искусстве строить легкие, подвижные каноэ, в плетении тончайших циновок; славятся самоанцы и как замечательные рыбаки.

Столица Западного Самоа и единственный город — Апиа. Почти все население островов живет в деревнях, в высоких хижинах овальной формы, покрытых листьями сахарного тростника и пандануса. Лучшие земли находятся в руках иностранных плантаторов. Они заставили местное население возделывать культуры, которые можно сбывать на мировом рынке.

Стотысячное население Западного Самоа не мирилось с господством иностранных поработителей. Еще в конце тридцатых годов на островах вспыхнуло восстание под руководством организации Мау, объединявшей в своих рядах передовых самоанцев. Движение Мау было разгромлено, но борьба за независимость не прекращалась. Осенью 1960 года было созвано Учредительное собрание. В прошлом году во время всенародного референдума на Западном Самоа подавляющее большинство населения высказалось за предоставление стране полной независимости. И в первый день 1962 года в Океании появилось первое независимое государство.

сам еле на ногах стою. С той поры живу я один, как сыч,— без сынов, без дочерей. Все они здесь, в одной могиле лежат. Неужто уйдет от людского суда тот убивец, Адольф Хойзингер? Не должно того быть! Не должно!

...Вечером в Доме культуры состоялся митинг. Зал гудит. Во всех концах слышится только одно имя — Адольф Хойзингер.

На маленькой трибуне — Анатолий Скрипка, рабочий-печатник Корюковской фабрики технической бумаги.

— Мне было шестнадцать лет, когда в Корюковку ворвались гитлеровцы. Они подъехали к нашему дому на машине и сразу начали стрелять. Мы успели выскочить из дому и бросились бежать. Гитлеровцы обстреляли нас из пулемета. Оставшиеся в живых скатились в канаву и поползли в ближайший огород. Там мы залезли в погреб. В погребе сидели женщины, старики, дети. Слышим — во двор въехала машина. Гитлеровцы окружили погреб и приказали всем выходить.

Мы вышли. Нас построили в шеренгу и начали стрелять из автоматов. Мы с матерью бросились бежать. Пуля догнала меня, и я, раненный в ногу, упал. Мать, раненная в грудь, упала на меня. Гитлеровец добил мать из пистолета. Я потерял сознание. А когда пришел в себя, полез обратно в погреб. В погребе сидели Микита Стельмах и какая-то женщина с мальчиком на руках. Они испугались меня и выбежали во двор. Женщина с ребенком влезла на верх сарая, а Стельмах, увидев во дворе свою жену и двух малых детей мертвыми, закричал не своим голосом. Гитлеровец вернулся. Стельмах набросился на него и схватил убийцу за горло. На крики прибежали гитлеровцы, застрелили Микиту, подожгли хату, сарай и дали очередь по погребу. Но в меня не попали.

Я видел, как в огне металась женщина с ребенком. Она закутала мальчика в платок и бросила в снег. Гитлеровец подхватил его на штык и швырнул в огонь. Мать закричала, как помешанная, и прыгнула за ним. А когда гитлеровцы ушли из Корюковки, дальние родственники вытащили меня из погреба и увезли к себе в село.

...Войдя на трибуну, Екатерина Назаровна Мазуркина долго молчит. Волнение сжимает ей горло, и она не в силах вымолвить слово. Вдруг слезы заливают ей лицо, и она, хватая ртом воздух, кричит в притихший зал:

— Люди добрые! Не можу я говорить! Не можу! Восемнадцать рокив с тех пор миновало, а как вспомню — душа огнем горит. Ворвались те, черные с белыми черепами на рукаве, в нашу хату. Я успела на чердаке заховаться. С порога начали они с автоматов палить. Я от страха без чувств сделалась. А как пришла в себя — чую, дым глаза ест. Глянула — все кругом пылает. Стропила вот-вот на голову упадут. Спустилась вниз, в хату, и думала, ума решусь. Лежат по полу люди, все побиты. У дочки разбит череп, сынок под столом весь пострелянный лежит. И мать, и батя, и соседи... все побиты... А кровь по хате к порогу ручьями бежит. Упала я на трупы, как мертвая. Чую, зашел кто-то в хату, засветил фонариком...

Что потом было — не помню... Только пришла в себя в соседней деревне.

За восемнадцать лет поутихло мое горе, а как узнала я, что жив тот кат, убивец, по чьему приказу казнили наших отцов, матерей, деток наших малых, снова нет мне ни сна, ни отдыха. Будь же ты трижды проклят, Адольф Хойзингер! Пусть не светит тебе солнце, не поют тебе птицы, не цветут для тебя цветы!

И, не закончив речи, Екатерина Мазуркина, закрыв лицо руками, рыдая, сбегает с трибуны.

Гневно гудит зал. На трибуну медленно поднимается старик с черной повязкой на глазу. В руках у него портрет девочки. Это Евгений Ефимович Рымарь. В зале воцаряется какая-то особая, строгая тишина.

— Люди добрые! Гляньте! То моя меньшая дочка Нина, та, что лежала у меня на груди, когда стреляли в нее проклятые каты там, в ресторане. Где теперь братская могила, там стоял ресторан. Загоняли нас туда, как скот на бойню, и били из автоматов. Дочку Нину я на руках нес. А фашист как пальнет — прямо мне в глаз. Я упал, а он по мне как застрочит! Тут во мне все помутилося, и ничего я больше не помню. Все трое моих деток здесь были побиты. Даже закопать их мне не приш-

ПОД ЗЕЛЕНЫМИ ОЛИВАМИ

«Верде оливо» — это значит «Зеленая олива». Так называется журнал, который почта приносит нам с далекой Кубы. Давайте совершим небольшое путешествие по его страницам. Оно будет и путешествием по сегодняшней Кубе, которая 1 января 1962 года отметила свой большой праздник — трехлетие народной революции.

...Яркое солнце обливает горячим блеском мускулистые фигуры. Целый лес рук взметнулся над головами людей, делающих физзарядку. Здесь, в местечке Сан-Хулиан, где репортер сфотографировал людей на зарядке, раньше была американская военная база.

Теперь тут готовятся кадры для народной милиции. В течение 45 дней 300 кубинцев — рабочие, крестьяне — изучают военное дело, постигают основы грамоты, работают в поле, то есть выполняют революционный лозунг, слова которого определяют сейчас всю жизнь Кубы: труд, учеба и защита завоеваний революции.

Тут же в Сан-Хулиане в большом доме живут жены, сестры, дочери тех, кто проходит обучение в лагере. Женщины не теряют времени даром: помогают крестьянам окрестных деревень, собирают для них аптечки, шьют одежду. Это ведь неважно, что они не знакомы с теми, о ком им приходится заботиться. Теперь на Кубе нет своих и чужих. Вся страна — это одна большая семья.

Перевернем еще одну страницу журнала. На снимках — разгар работы в одном народном имении. Называется оно «Вильфредо Пахе» и расположено в 12 километрах от Санта-Клара. Снимки рассказывают о трудовых буднях большого коллектива. Впрочем, будни — это неверно. Дело в том, что фотографии сделаны в воскресенье.

Ни за какие деньги не собрались бы сюда люди в выходной день, пишет журнал, в те времена, когда земля принадлежала латифундистам. Сегодня тут добровольно трудятся сотни людей — рабочие, служащие, учителя, домашние хозяйки. Они приехали из Санта-Клара, чтобы работать на своей земле, для своей революции.

Если бы Хесусу Урхельесу, много лет проработавшему на сахарном заводе, три года назад сказали, что он будет отдыхать на знаменитом курорте Варадеро, куда ездили богачи со всего света, он мог бы только рассмеяться в ответ. А сегодня он с дочкой гуляет по Голубому пляжу Варадеро. Вместе с ним красотами прославленного курорта любуются люди, на рубашках у которых можно прочесть крупные надписи: «Франсиско Кастро Серуто», «Мануэль Тамес», «Хесус Раби», «Эспартако». Это не названия спортивных клубов или команд. Это названия сахарных заводов, которые премировали лучших своих рабочих путевками в Варадеро.

«Мы делаем сейчас 125 тысяч очков»,— с гордостью рассказали корреспонденту журнала рабочие и техники оптического завода. Очки? Разве это так уж важно? Это же не ведущая отрасль промышленности. Так могут подумать читатели. Нет, это очень важно. Продукция предприятия, где побывал корреспондент «Верде оливо», тоже стала вкладом в кампанию по ликвидации неграмотности. Учиться начали и те, у кого за плечами долгая и трудная жизнь. Нелегко, конечно, в 60—70 лет садиться за букварь. И зрение уж не то, что у школьника. Ничего, очки помогут. Если революция сказала, если Фидель сказал,— значит, так будет! Итак, на Кубе не осталось ни одного неграмотного. Революция одержала еще одну победу.

Н. КРЫЛОВА,

Ю. ОБРАЗЦОВА



Куба. Винтовки и лопаты.
Фото В. Володкина.

лось: даже мертвых деток не побачил, спалили проклятые каты. И не осталось от моих деток ничего. Даже могилки...

На трибуну поднялась Раиса Николаевна Душко.

— Когда фашисты окружили Корюковку, я сидела у окна и вышивала по канве цыганку.

Вдруг вбегает мой семилетний брат Коля и криком кричит:

— Спасайтесь! Эсэсы убивают людей и жгут дома! Спасайтесь!

Мать схватила одежу из гардероба, запихала в мешок, сунула туда нож, каравай хлеба, и мы выбежали из хаты. Смотрим — кругом эсэсовцы стреляют зажигательными пулями в крыши домов. Вот уже и наша хата горит, как свеча. Бежим мы огородами и видим: люди попрятались в навозные кучи, сидят там, закутавшись с головой в одеяла. Бежим дальше, а навстречу нам эти, в черных шинелях. Резиновыми палками стали они нас загонять в чей-то дом. Эсэсовец встал в дверях и навел на нас автомат.

Люди кричали, просили, молили. Поснимали со стен иконы.

А он приказал лечь на пол вниз лицом.

Кто лег, кто забился на печку, а я забралась под кровать, за кованый сундучок. Только мать моя стала посреди хаты и говорит:

— Стреляй, гад! Не лягу я перед тобой!

Он ее первой прошил из автомата. И мать моя, обливаясь кровью, упала. На середину хаты выбежал и Коля:

— Убил мать, бей, гад, меня!

Эсэсовец дал по нему очередь, и Коля, взмахнув руками, упал. А эсэсовец все стрелял и стрелял...

Когда все были убиты, он закинул автомат за плечо и ушел. Вдруг поднялась Света Подпружникова, годика три ей тогда было, плачет и кричит своему братику Васе:

— Вася, пийдим домой, я хочу к маме!

А Вася хрипит, и кровь у него изо рта клубами пенится. Рядом со мной под кроватью лежала семилетняя девочка Нина; услыхала она Светин голос, вылезла из-под кровати, ходит среди мертвых, плачет:

— Ой, куда же мне заховаться! Не хочу я умирати!

Эсэсовец, услышав крик, вернулся в хату, пострелял Свету и Нину, а для верности крест-накрест выпустил по мертвым еще две очереди из автомата... И, хлопнув дверью, вышел из хаты.

Слышу — на кровати стонет хозяйка.

— Есть живая душа, отзовись!

А я боюсь голос подать, лежу ни жива ни мертва. Хозяйка сползла с постели, увидела меня и говорит:

— Давай, дитятко, в подвал ховаться, а то, не ровен час вернется кат и убьет.

Влезли мы с ней в подвал.

Потом гарью запахло. Дым глаза ест, дышать никак не можно. Вылезли мы в хату. А там темно, дым так и валит. Ткнулись в дверь, подперта... Вдруг полыхнуло пламя, увидела я окно, выбила раму, и выскочила на завалинку, и побежала.

Бегу я по улице. Хаты горят, а людей не видно. Я огородами и к болоту. А там люди, наши, гляжу, корюковские. Три дня мы в том болоте по пояс в воде простояли. А когда фашисты ушли из Корюковки, вылезли люди из того болота и пошли своих шукать.

Побегла я до своего дому, а его нема. Одни головешки. Родные все побиты и обгорелые на пепелище лежат. И осталась я сиротой. А было мне в ту пору одиннадцать лет...

Столько же сейчас моей дочке Тамаре. Я мать, у меня растут двое детей, и я не хочу, чтобы мои дети пережили то, что пришлось пережить мне. И от имени всех матерей Корюковки я требую выдачи убийцы и палача Хойзингера. Он должен ответить перед судом народа за слезы матерей, за страдания сирот, за кровь убитых женщин, стариков и детей.

Если собрать кровь убитых в Корюковке, то Адольф Хойзингер утонул бы в ней. Нет в нашем городе, нет в этом зале ни единого человека, у которого ктонибудь не погиб бы в те черные дни.

Я взываю к вам, женщины Франции, Англии, Германии, Америки! У вас тоже есть дети! Вы должны вместе с нами требовать снятия Адольфа Хойзингера с занимаемого поста в НАТО.

Военный преступник Адольф Хойзингер должен ответить перед судом за свои злодеяния.

СТАРЫЙ МОСКВИЧ



Назым Хикмет.

Жарким июньским днем 1951 года мы стояли на Внуковском аэродроме и ждали, когда подвезут трап к самолету, только что прилетевшему из Бухареста. Когда трап подкатили и по нему уже сошла половина пассажиров, на верхнюю площадку трапа вышел наконец тот человек, которого мы ждали. В первую секунду мы еще сомневались. Тот человек, которого мы ждали, был турок, и нам казалось, что он черный, а он был рыжий и голубоглазый, чуть-чуть начинавший седеть. Тот человек, которого мы ждали, провел подряд тринадцать лет в тюрьме, и мы ожидали увидеть его согбенным и изможденным, а он был худощав, но плечист и крепок.

Однако в следующую же секунду наши сомнения исчезли. Этот человек, стоя на верхней площадке трапа, с таким страстным, влюбленным и, я бы добавил, веселым интересом смотрел на все, что было вокруг: на Московский аэропорт, на самолеты, на людей, толпившихся у трапа,— он был так взволнован, несмотря на внутреннюю собранность, что все мы поняли: да, это он!

И только когда мы все уже поняли это, один из нас, единственный, кто встречался с ним в Москве в начале двадцатых годов, воскликнул охрипшим голосом: «Да, это Хикмет!»

А потом Хикмет, спустившись с трапа, жал нам по очереди руки и старательно и упрямо строил фразу за фразой из неподатливых, полузабытых, иногда почти неузнаваемых, но все-таки одно за другим вспоминаемых,—да, да, вспоминаемых после такой громадной разлуки — трудных русских слов. Он был весел, счастлив и безгранично устал — все вместе. Лицо его улыбалось, а в уголках голубых глаз все-таки стояли непрошеные слезы волнения.

Таким мы встретили в Москве Назыма Хикмета десять с половиной лет назад, когда он после тринадцати лет тюрьмы, после года, прожитого под полицейским надзором, после ночного побега на утлой моторной лодке из Турции в Румынию наконец снова оказался на московской земле, оставленной им в 1928 году.

Помню, как в тот вечер, в первый его вечер в Москве, мы ходили с Хикметом по московским улицам, как он радовался и тому, что Москва стала новой, и тому, что в ней остались неизменными некоторые старые, памятные ему с двадцатых годов места.

— Вот здесь, во дворе этого дома, было наше общежитие студентов КУТВа...

Его радовало, что и этот дом и дом во дворе этого дома, где когда-то жили, съехавшись со всех концов света, слушатели Коммунистического университета трудящихся Востока, жили, спорили, читали, учили русский, что этот дом как стоял, так и стоит живым воспоминанием о тех годах.

— А вот здесь было здание кино «Палас». И там у нас был Интернациональный клуб, и мы там ставили пьесы и играли в них. Это было вот здесь, на этом углу...

И он несколько разочарованно показывал пальцем в ту сторону Пушкинской площади, где давно не осталось и воспоминания о кино «Палас». Ему было жаль, что уже нет этого дома, что он не может показать на него пальцем, не может войти в него.

Зато он нисколько не жалел, что живет в гостинице «Москва», построенной на месте старого Охотного ряда. Вот уж что никак не вызывало его сожаления — исчезновение с лица земли Охотного ряда! Наоборот, мне казалось, что ему доставляет даже какое-то специальное удовольствие то, что он живет в гостинице, построенной на месте этого последнего приюта российского капитализма, последние, предсмертные ужимки и гримасы которого Хикмет еще видел в Москве двадцатых годов.

Вспоминаю первую, по-моему, после приезда встречу Хикмета с коллективом советских людей. Это было в помещении «Литературной газеты» на третий или четвертый день после того, как он оказался в Москве. Люди сидели друг на друге, пришла редакция, пришла типография, пришли и еще кто-то — все, кто узнал об этой экспромтом возникшей встрече.

Помню, как Хикмет настойчиво обходился без переводчика и как он в первый раз сказал то, что много раз с любовью повторял потом,— что он старый москвич.

Помню, с каким раскаленным, сдержанным гневом он рассказывал о турецкой реакции и с какой братской нежностью говорил о простых людях Турции, о ее крестьянах и рабочих — своих верных товарищах по тюремному заключению.

Помню, как, получив первые записки с вопросами, он вдруг встал и сказал на своем ломаном русском языке: «Может быть, вы лучше просто будете вставать и спрашивать меня, и я буду вставать и отвечать, и мы будем, товарищи, стоять и говорить друг с другом, глядя друг другу в глаза: тот товарищ, который спрашивает, и тот товарищ, который отвечает, то есть я? Я человек двадцатых годов, я так привык. Но, может быть, это хорошая привычка? А, товарищи?»

И мы подумали тогда, что товарищ Хикмет прав, что это действительно хорошая привычка.

Назым Хикмет живет у нас в стране одиннадцатый год. Когда он выходил из самолета во Внуковском аэропорту, ему еще не было пятидесяти. Сейчас ему исполнилось шестьдесят.

За эти годы много, очень много сделано, выпущено много книг стихов, и новых и старых, написанных еще в тюрьме и переведенных теперь на русский язык, на многие языки нашей страны и на многие языки мира. Пьесы Хикмета «Легенда о любви», «Чудак», «Два упрямца», «Дамоклов меч» обошли сцены десятков, если не сотен, театров нашей страны.

Я не собираюсь перечислять всего написанного и сделанного за последние годы Хикметом и как писателем и как деятельным борцом за мир, совершившим в качестве члена Бюро Всемирного Совета Мира десятки поездок по свету, выступавшим в защиту мира в сотнях и сотнях аудиторий, в самых разных уголках земного шара.

Деятельность Назыма Хикмета достаточно широко известна. Мне только хотелось набросать несколько живых черточек портрета этого выдающегося сына турецкого народа, этого страстного, юного шестидесятилетнего человека, этого «старого москвича», как он сам называет себя.

Кстати сказать, это последнее верно не только потому, что он сорок лет назад был студентом КУТВа, и не только потому, что он сейчас живет и работает в Москве, но еще и потому, что, сидя в турецкой тюрьме, он в годы Великой Отечественной войны слушал через подпольный приемник московское радио и писал там, за тюремными стенами, бесконечно далеко от нас, стихи о том, что — нет! — немецкие танки никогда не войдут в Москву, стихи о том, что — да! — мы добьемся победы, стихи о том, что замученная фашистами московская школьница Зоя и приговоренный к 28 годам тюрьмы турецкий поэт Хикмет — люди разных наций, но одной коммунистической веры.

Константин СИМОНОВ

50 ЛЕТ ЧИТАЯ «ПРИРОДУ»

В январе 1912 года вышла первая книжка журнала «Природа». Ныне это — издание Академии наук СССР. Редакторами «Природы» были президент Академии наук, физик Сергей Иванович Вавилов; после его смерти — многогранный ученый Отто Юльевич Шмидт, а теперь — геолог-географ, академик Дмитрий Иванович Щербаков.

Возник этот журнал в дореволюционное время как героическая затея русской профессуры, никем официально не поддержанная и если не гонимая в открытую, то во всяком случае возбуждавшая косые взгляды Святейшего Правительствующего синода.

Еще бы! Находящиеся на императорской службе статские и даже действительные статские советники (таковы были обычные чины тогдашних профессоров) затеяли издание, которое начали редакционным обращением с прямым намеком на то, что они будут следовать традициям Чернышевского и Сеченова.

Передовое естествознание вздымало горы материала, осмысливание которого требовало научной смелости и риска.

«Чуть ли не каждая из статей подводит читателя к кризису того или иного традиционного убеждения»,— писал в одной из ранних рецензий на «Природу» харьковский «Южный край».

Я, тогда гимназист, впервые узнал о принципе относительности со страниц «Природы», из статьи О. Хвольсона, в советское время почетного академика.

А как порой приходилось в то время трудно издателям журнала! Я помню по своим далеким отроческим годам, как с моим отцом (первым редактором астрономического отдела журнала) сотрудники «Природы» делились заботами о денежных трудностях — приходилось опаздывать, сдваивать номера. Ведь и за бумагу и типографии надо было платить.

Много замечательных ученых сотрудничало в «Природе». Через биографию журнала проходит Александр Евгеньевич Ферсман. С молодым темпераментом, неугомонностью страстного разгадывателя геологических тайн русской природы несет он в журнал еще в дореволюционные годы заметку за заметкой. В последний период своей жизни он входит в число основных редакторов журнала.

В «Природе» печатаются великие ученые нашего века. Это и Альберт Эйнштейн, и советский физик А. Иоффе, и немецкий физик Макс Планк, и академик-большевик Г. Кржижановский (автор статьи «Ленин и наука»), и Иван Петрович Павлов, и Иван Владимирович Мичурин. В «Природе» состоялось первопечатание речи М. Горького «Наука и демократия».

Широкое признание получил теперь журнал. Тираж его увеличен в 7 раз. Практика, живые потребности социалистического хозяйства все властнее и шире заявляют о себе в «Природе». Так, наугад взяв июньский номер 1961 года, который открывается биографией нового президента Академии наук СССР М. Келдыша, мы читаем в книжке и статью члена Академии наук Туркменской ССР М. Петрова «Освоение пустынь», и очерк «Ботанический сад в Беломорье» соловецкого учителя П. Виткова, и заметку сотрудника Львовской опытной станции рыбоводства...

До 1962 года журнал верен обещанию, провозглашенному «Природой» полвека назад: «...черпать из первоисточников или при посредстве хорошо осведомленных лиц».

Круг этих «хорошо осведомленных лиц» теперь очерчивается смелее, шире. В синклит ученых входят новаторы производства, практики сельского хозяйства. Расширился круг авторов, и неизмеримо возросло число людей, которые так же, как и я, читают «Природу»...

Вл. ПОКРОВСКИЙ

Творец «Исламея»

К 125-летию со дня рождения М. А. Балакирева



Энергичный, волевой, безмерно талантливый, влюбленный в родную народную музыку — таким запомнился Милий Алексеевич Балакирев его современникам, друзьям.

Прославленный М. И. Глинка познакомился с первыми творческими опытами юного музыканта. Творец «Руслана и Людмилы», родоначальник русского симфонизма назвал начинающего композитора своим преемником.

На гребне «закипающей бурями морской волны», как писал А. И. Герцен о шестидесятых годах прошлого столетия, пришло в мир музыки творчество М. А. Балакирева, творчество в самом широком и прогрессивном смысле. Он основатель и душа знаменитой «Могучей кучки». Он дирижер, страстный пропагандист русской национальной музыки. Он композитор, заявивший в первых же своих творениях о близости к источнику музыкальной культуры — искусству народа.

Много ездил М. А. Балакирев, много слушал, путешествуя, и, пожалуй, как никто другой из музыкантов, оставил нам пленительные свидетельства своего пребывания в том или ином краю. На чешских народных темах основана его симфоническая поэма «В Чехии»; элементы кавказского музыкального фольклора звучат ярко и красочно в симфонической поэме «Тамара».

Но, конечно, главная тема его творчества — Русь. Он создает симфонические увертюры на русские темы, песенные сборники...

Творчество Милия Алексеевича навсегда осталось с нами. Чаще других его произведений исполняется в концертных программах и звучит по радио блестящий, молодой, живописный «Исламей». Слушаешь эту чудесную фантазию и так и представляешь себе того, кто ее создал. Представляешь порывистым и влюбленным, устремленным вперед, горячо спорящим в дружеском кружке таких же молодых, рвущихся вперед музыкантов.

Так было в шестидесятые годы. Именно в это время расцвел его большой талант. Нам дорог звонкий и поэтичный голос М. А. Балакирева, столь созвучный нашим дням.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1961 ГОДА



Н. Котанджян (Ереван). ВЕСНА.



Г. Коржев (Москва). ХУДОЖНИК.

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ



Повесть

Евгений ВОРОБЬЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Столько тысяч раз поднимался я на-гора́, но все равно каждая встреча с солнцем полна счастливой новизны.

Выходишь на шахтный двор, щуришься от света, заново привыкаешь к краскам дня.

Кажется, твоя лампочка внезапно иссякла. Но в ламповой, куда ее сдаешь, все лампочки такие — едва желтеют.

У подъемного лифта встречаются люди двух рас. Вниз спешат белолицые, наверх — чернокожие. Блестят белки глаз, блестят зубы, на черных руках блестят ногти, отшлифованные углем.

Уголь в вагонетках впервые освещен светом дня. А крепежный лес сейчас навечно распрощается с солнцем и уйдет под землю. Ошкуренные бревна неестественно белы по соседству с углем.

Встреча с небом и землей еще больше волнует, когда выходишь из клети в чужой шахте, где-то за рубежом. На шахтерах маленькие каски, они напоминают жокейские шапочки. Лампы укреплены ремнями на груди. Спецовки тоже не нашего покроя. Слышится чужая речь. Ну все, все иначе, все не так, как у нас в Кузбассе.

И только уголек одинаковый. В тот день я хорошо познакомился с чужим угольком, словно рубал его всю жизнь.

Однако лучше я расскажу все по порядку...

Так не терпелось поскорее оказаться при деле и увидеть угольный комбайн в работе, что я чуть ли не с вокзала поехал на шахту — по дороге лишь забросил чемодан в рабочий отель и переоделся.

В конторе ждал штейгер Люциан Янович Осецкий — колючие глаза, худощав, с сильной проседью, впалые щеки, жилистая шея, щетинистые усы и такие же щетинистые, высоко вздернутые брови, сходящиеся к переносью чуть ли не под прямым углом. Сам назвался по имени-отчеству, значит, уже встречался с русскими.

Он хмуро сообщил, что прикомандирован ко мне на все время работы. Я горячо поблагодарил и обещал не очень его затруднять, на что пан штейгер никак не отозвался. Очевидно, не только усы и брови у него колючие, но и характер. Он сразу дал понять, что не испытывает особого удовольствия от поручения опекать меня.

Пан штейгер не был поклонником нашего угольного комбайна, о чем во всеуслышание заявил, едва войдя со мной в клеть.

Конечно, неурядиц в лавах хоть отбавляй: пан штейгер провел ребром костлявой ладони по худому горлу. Однако плохую работу комбайна на своем горизонте он объяснял конструктивными изъянами машины. Честно говоря, это было несправедливо.

Казалось, даже спина пана штейгера выражала недовольство, когда он шагал впереди меня по «ходникам» шахты. Его долговязый силуэт вычерчивался очень отчетливо, так как лампа висела на груди.

Потом мы стояли рядышком и вжимались в стену. Оглушал нарастающий грохот — и на расстоянии вытянутой руки мимо проносился электровоз, а за ним вагонетки с углем. Я чувствовал на лице напор воздуха, отжатого поездом к стене штрека. Искры летели из-под колес и высвечивали наши резиновые сапоги. Грохот быстро удалялся, и вновь становилось слышно, как где-то поблизости журчит вода.

Всю смену мы не разлучались. В одной клети поднялись на-гора́, вместе сдали в «ламповню» свои лампы, вымылись в душевой и всюду — в забое, в клети, в «ламповне» и даже под душем — продолжали спор, начатый еще при первом знакомстве. Пан штейгер настаивал на том, что комбайн следует усовершенствовать, — кто же станет возражать? Но при этом пан штейгер приписывал конструкторам грехи, в которых те вовсе не виноваты, злился и твердил, что ему хотят «пустить угольную пыль в глаза».

Вечером в шахтерской ресторации состоялся праздничный ужин: все же не так часто на шахту «22 июля» приезжают гости из Сибири.

Люциан Янович, как многие мои соседи по столу, был в форме польского горняка: темно-серый костюм, петлицы обшиты золотой тесьмой, крошечные молоточки скрестили рукоятки на воротнике и на пуговицах.

Мы уселись рядом: так удобнее спорить.

Сосед мой — ругатель и забияка; и то ему не нравится, и это не по нем. Судя по тому, как снисходительно и спокойно шахтеры относились к его ворчанию, характер Люциана Яновича хорошо им знаком.

Так вот, Люциан Янович недоволен тем, что оба комбайна «Донбасс» установлены в самых богатых лавах шахты, что их обслуживают лучшие машинисты. Нельзя же устраивать в шахте оранжерею и выращивать рекорды в тепличных условиях. Кому нужны рекорды-неженки, выросшие в искусственном климате?!

Я согласился, что не следует раньше времени хвалиться работой комбайна. Но при внедрении новых машин мы должны создавать для них условия наибольшего благоприятствования.

Ведь так легко очернить любую новинку, открытие, изобретение!

Я согласился с паном штейгером, что закрывать глаза на болезни, которыми болеет ребенок твоего друга, — скверная вежливость. Пусть пан штейгер вспомнит, сколько раз падает дитя, прежде чем научится ходить!

Люциан Янович не торопился выразить согласие со мной. Однако я заставил его серьезно задуматься, а это уже немало при его упрямстве. Ну, а что касается рекордов в искусственном климате, то здесь пан штейгер абсолютно прав. У шахтеров Сибири тоже не в почете любители парадов и фасадов. Не случайно у нас имеет хождение презрительное слово «показуха».

— По-ка-зу-ха, — повторил Люциан Янович и усмехнулся в колючие усы. — Тлумачить не потшеба. Разумем добже...

О, у нас шел важный спор, и, может быть, горячность его объяснялась как раз тем, что каждый из спорящих вынужден был в чем-то признать правоту другого. Я признавался вслух, а упрямый оппонент — про себя, безгласно, только прилежнее принимался дымить махоркой.

Оба, по крайней мере мне так казалось, все больше проникались симпатией друг к другу, но сам спор при этом становился шумнее. Соседи по праздничному столу могли подумать, что мы вдрызг поссорились. При этом оба становились все более учтивыми. Каждое возражение моего соседа начиналось со слов:

— Вежливо прошу пана простить меня, но шановный пан ошибается...

Люциан Янович считает: всегда лучше оценить свою работу строже, чем она того заслуживает. Шахтеры не дипломаты. Во фраках и белых манишках нечего делать в забое. У всех нас ногти одинаково отшлифованы углем, у всех синие рябинки на лицах и глаза в черных кругах, все шахтеры любят разводить цветы, глазеть на звезды и мечтать о будущем... Конечно, атомную энергию можно добывать и в белых халатах. Когда-нибудь шахтерскую лампочку сдадут в музей, атомы будут водить поезда и корабли, отапливать и освещать города. А пока черный уголек делает свою работу! И как хорошо, что у них в Польше открыты новые залежи угля! Люциан Янович слышал, что в Сибири обнаружены еще более богатые запасы.

Да, Люциан Янович прав. Однако разработка новых пластов принесла в наш шахтерский поселок не только радость, но и большие заботы. При острой нехватке жилья придется снести совершенно новые дома. Поставили дома на угленосных пластах, на богатом месторождении. Как же подобные ошибки возникают в наше время, при плановом ведении хозяйства?

Люциан Янович пробубнил что-то себе в усы,

вгляделся, подняв брови-щеточки, а затем принялся, в свою очередь, жаловаться на строителей.

Шахтерские семьи многодетные, горняки привыкли перевыполнять планы по всем статьям — озорной огонек мелькнул в глубоко сидящих глазах. А хозяйка, когда стирает или стряпает, присматривает за детьми. Поэтому кухни следует строить просторные, а клетушки горняку ни к чему, теснота ему и в забое надоедает.

— В книгах, товарищ из Сибири, написано все правильно. — Брови Люциана Яновича строго сбежались к переносью. — Но почему-то не деется, как по-писаному. Все время приходится исправлять ошибки.

Люциан Янович ждал возражений и, судя по настороженному, колючему взгляду, готов был затеять новый спор, я же согласился с ним. И перегородка изо льда, которую пан штейгер установил между нами, начала таять, в ней появилась первая промоина, что ли...

Все могут подтвердить: Люциан Янович не любит людей, если они причесывают свои мысли, как волосы, если они набожнее папы римского или безбожники больше, чем Карл Маркс.

Вот в прошлом году к ним на шахту приезжали русские товарищи из профсоюза. Один делегат скромный, разумный, а другой любил прихвастнуть вроде машиниста комбайна Кулеши — Люциан Янович ядовито усмехнулся в усы и кивнул на сидящего за соседним столом горняка, с лицом в морщинах, но по-молодому веселоглазого и темноволосого, только на висках проступила седина.

Как только Люциан Янович убедился, что я не чураюсь откровенного разговора, его критический пыл остудился. Брови примирительно сползли со лба, он завел речь о том, как преобразились города и местечки в Верхней Силезии, или, по-польски сказать, в Гурнем Шленске.

Взять хотя бы шахту «22 июля». Вернулся недавно из эмиграции старый забойщик и не узнал владения сиятельного графа Доннерсмарка. Да и как узнать, когда надшахтное здание и все оборудование новые! Вот уж действительно, взяли старый гузик, а по-русски сказать, пуговицу, и пришили к тому гузику новое модное пальто!

Мы снова, уже менее церемонно, чокнулись, и Люциан Янович сообщил под закуску, что у них в Силезии водка на десять процентов дороже, чем в других воеводствах. Пусть шахтеры реже заглядывают в рюмки! Несколько злотых остаются лежать на дне каждой бутылки — собирается кругленькая сумма. На сбереженные злотые построили дворец молодежи в Катовицах, парк культуры в Хожуве, огромный стадион там же. Вот на том стадионе футболисты Польши проиграли Испании матч на Кубок Европы. При этом Люциан Янович добавил, пряча колючую усмешку в усах, что большие стадионы хороши, когда на них можно увидеть большой футбол, а для игры, какую показала сборная Польши, хватило бы и стадиона поменьше.

— Справедливо я говорю, пан Кулеша? — Люциан Янович резко подался вперед и прокричал так, чтобы его услышал за соседним столом горняк с морщинистым лицом и всклоченными темными волосами.

Но пан Кулеша только раздраженно отмахнулся рукой от вопроса и сделал вид, что не расслышал.

— Когда ругают наших футболистов, у пана Кулеши сразу портится слух, — усмехнулся Люциан Янович.

— Пан инженер уже бывал в Силезии? — спросил меня белобрысый шахтер с массивными плечами. Он сидел за столом напротив. Белобрысому тоже было явно неприятно напоминание о проигрыше польских футболистов, он спешил переменить тему разговора.

— Только во время войны.

— А в нашем местечке?

— Первый раз.

— Пан инженер воевал с фашистами? — полюбопытствовал Люциан Янович.

— Недолго. В начале войны. Затем, после двух с половиной лет перерыва, в самом конце. А вы, пан штейгер?

Люциан Янович пренебрежительно махнул рукой: какой, мол, из него вояка!



Но белобрысый, с плечами борца шахтер сообщил, не обращая внимания на протестующие жесты Люциана Яновича, что тот во время оккупации утаил от фашистов самые богатые пласты угля и еще кое-что.

Люциан Янович отмахнулся от белобрысого. Он вынул табакерку, скрутил самокрутку, деловито достал карандаш, записную книжечку и принялся что-то чертить и высчитывать. Он долго мусолил карандаш, мучительно собирал кожу на лбу в складки, брови его при этом вползали высоко на лоб и принимали почти вертикальное положение. Наконец морщины на лбу разгладились, Люциан Янович спрятал карандаш с книжечкой и стал со мной любезнее, чем прежде.

К тому времени, когда мы встали из-за стола и начали прощаться, Люциан Янович почувствовал ко мне явное расположение, которое не хотел скрывать, а, наоборот, выставлял напоказ.

2

Духота не давала спать, я распахнул окно настежь. Вообще говоря, этого делать не полагается: даже легкий порыв ветерка подымает в шахтерском поселке вездесущую черную пыль, она залетает не только в раскрытые окна и двери — во все щели, скважины и поры.

Невидимая пыль висела над поселком. Явственно доносился запах угля, не дыма, а именно мокрого угля, который днем высыхал на солнцепеке.

Я постоял у окна, выкурил последнюю сигарету и уже собирался закрыть окно, но в этот момент загудел шахтный гудок: конец второй смены.

Надтреснутый бас ударил не только в уши — я услышал его памятью, сердцем, всем своим существом. Гудок оглушил, взбудоражил, потряс меня, как если бы вдруг раздался выстрел над ухом.

Ну, конечно же, я слышал, много раз слышал этот властный рев с хрипотцой, будто в медной глотке завелась какая-то не то трещинка, не то щербинка, не то зазубринка. И это придыхание, могучий посвист пара перед тем, как гудку загудеть во всю силу... И судорожный, как бы насильственно прерванный звук перед тем, как гудку замолкнуть.

Медный зов гудел в ушах и после того, как он отзвучал на самом деле.

Полный смутных предчувствий, вышел я из номера, торопливо спустился к портье и спросил:

— Пшепрашам пана. Как немцы называли этот городок во время оккупации?

— Длинное название. В честь своего генерала. Без рюмки не выговорить.

Портье произнес по складам многосложное немецкое название, оно ничего не сказало моей памяти.

— Бардзо пшепрашам пана. А сколько башен имеет костел в вашем местечке? Одну или две?

— Две, — ответил портье, борясь с желанием спать.

Судя по синим рябинкам на лице, портье тоже шахтерского роду-племени.

— Бардзо дзенькуе пана. Костел близко от железнодорожного моста?

— Близютко.

— Значит, и школа где-то рядом! А забор вокруг школы — из железных прутьев?

— Так.

— Двухэтажное здание?

— Так.

— А сколько ступенек в той лестнице? Двадцать две?

Он недоуменно развел руками.

Мои нелепые вопросы так удивили портье, что его сонливость как рукой сняло. Он сам мальчишкой учился в местной школе, но никогда не считал ступенек на школьной лестнице.

А я, видимо, даже изменился в лице, потому что портье спросил: «Цо с паном?» Он вышел, прихрамывая, из-за перегородки и стал усаживать меня в кресло.

Я поблагодарил и отказался: лучше выйду на улицу, подышу воздухом, да-да, свежим дымным воздухом. Пусть пан не удивляется моим вопросам, но только что выяснилось: в конце войны я находился в этом городке, работал на шахте «22 июля».

Портье поправил меня: тогда шахта так не называлась. А до войны, во времена Пилсудского, шахта носила имя ее владельца — «Доннесмарк младший».

— Много воды утекло за это время в Висле, — вздохнул портье; он уже убедился, что я не расположен к разговору, а тем более к откровенности.

Он вновь уселся за своей перегородкой, около пустой доски с перенумерованными клетками. Днем в них висят ключи от комнат.

Как же это я сразу после приезда не узнал шахту и городок? Пан штейгер не зря упомянул о новом пальто, пришитом к старому гузику.

Да, сегодня за ужином я соврал, нечаянно соврал тому белобрысому плечистому шахтеру, когда сказал, что в местечке впервые, что у меня здесь нет знакомой души.

Как знать, может, Тереса и сейчас живет в домике с каменным крыльцом? Дышит сейчас заодно со мной этим задымленным воздухом! Одновременно со мной видела вечером зарево над коксовыми печами там, вдали!

Если Тереса здесь, я найду ее, поблагодарю за прошлое и пожелаю счастья ей, всему ее семейству. Может быть, жив-здоров и второй мой спаситель, машинист насоса Стась? Надо будет разузнать на шахте у старых горняков.

Пустынный городок спал. Бессонные факелы горели над коксовыми печами. Отблески огня золотили трамвайные рельсы, провода, витрины магазинов и стекла легковых автомобилей, ночевавших на улице.

Несколько раз принимался идти дождь, но каждый раз его хватало лишь на то, чтобы прибить черную пыль под ногами и смочить черепичные крыши. Красное предзакатное солнце предвещало ветреную погоду. Солнце зашло, тусклое за облаком дыма и угольной пыли, поднятой ветром.

Долго бродил я по городку, прошел из конца в конец улицу Независимости, дошел до площади Костюшко; там столько автомобилей, словно это гараж под открытым небом. Я все пытался и никак не мог понять, откуда дует влажный и теплый ветер: куда я ни поворачивался, суматошный ветер дул в лицо. Будто так важно было выяснить направление ветра, будто и в самом деле у меня бессонница из-за этой неразберихи.

Бессмысленно было отправляться среди ночи на поиски дома, куда меня когда-то привел случай. Я и так излишне доверился своей дырявой памяти и на обратном пути в отель долго плутал по темным улицам.

Портье по-прежнему клевал носом за своей перегородкой, возле пустой доски с перенумерованными клетками. Но как его ни клонило ко сну, он, вручая ключ, посмотрел на меня испытующе, почти подозрительно, — заодно с ним проснулось удивление, вызванное моими недавними вопросами.

Пожалуй, и на рассвете, до того, как мы встретимся в раскомандировочной с Люцианом Яновичем и механиком шахты, до того, как «22 июля» подаст свой зычный голос, тоже не время искать Тересу.

Ну что же, потерплю до завтрашнего вечера.

Я боялся каких-нибудь печальных известий, но не легче было бы разочароваться в Тересе. Разве в том дело, что она постарела на пятнадцать лет? Лишь бы не очерствела ее душа, не потускнели глаза, не захолодели руки!

Так и не удалось уснуть той ночью: воспоминания обступили меня со всех сторон. Ведь в этом городке, за мостом и железнодорожным переездом, левее того самого костела с башнями-двойняшками, и находился лагерь военнопленных.

3

Подробно рассказывать о лагере не буду: пережито столько, что до сих пор не пойму, как на это хватило сил человеческих, как мне и товарищам удалось остаться людьми, живыми людьми.

Скажу все же, что два месяца нас кормили сухарями выпечки тысяча девятьсот тридцать шестого года из каких-то стратегических запасов рейхсвера. Червивая, затхлая труха, утратившая способность хрустеть на зубах. Баланду варили из брюквы, которой кормят свиней. Бараки не отапливались. Гнилая солома, постланная на нары, — матрац, охапка той же соломы, наброшенная сверху, — одеяло. И чем глубже ты зарывался в гниль, тем жестче становились нары. Вместо чая пили отвар ромашки. Два с половиной месяца жили без соли; после того соль не сразу стала ощущаться как соленая, мы отвыкли от ее вкуса. Вскоре пожаловал в лагерь сыпной тиф. Да и как было ему не пожаловать, если волосы у многих шевелились на голове: до того завшивели! Люди мерли, как мухи, и песня «Мы сами могилу копали свою» могла бы стать нашим гимном, если бы мы склонили головы, не пытались сплотиться для борьбы.

Началось с того, что один «капо» неловко оступился и сверзился в старую штольню. Второй «капо», такой же садист, как первый, по странной рассеянности угодил под поезд, когда нас гнали через станционные пути. Третий нечаянно упал ночью с моста и уже не выплыл. Хорошо, что эсэсовцы, или, как их в Польше называют, эсэсманы, не дознались, чьих рук это дело. Ведь бывают же несчастные случаи!

Мне удалось скрыть от эсэсовцев, что я горный техник, шахтер: так легче было создавать заминки, задержки в работе.

Гнали в шахту ранним утром. Только в сумерки, а то и вечером мы возвращались в лагерь.

Если голодным спускаешься в забой, в каком виде тебя подымает клеть? Смотришь-смотришь на небо — и все звезды, сколько их ни есть, кружатся, ходуном ходят по небосводу, черному, как кровля из антрацита.

Нам повезло: дорога из шахты шла под уклон. Даже подумать страшно: ведь шахта могла бы находиться в низине, и тогда после работы нам пришлось бы вышагивать в гору.

В предзимнее пасмурное утро я шагал по мостовой и, не подымая головы, безразлично месил ногами истоптанную слякоть.

И вдруг какая-то внезапная сила заставила меня поднять голову и посмотреть влево.

На краю тротуара, возле дома в три окна, с каменным крыльцом, стояла молодая женщина в повязанном по-старушечьи голубом платке. Она держала за руку девочку лет пяти — только дочь может так походить на мать.

Я был поражен ее скорбной красотой: глаза мадонны, несмелый румянец на измученном лице, а круги под глазами более синие, чем глаза.

Взгляды наши встретились, она ободряюще закивала. Обернулся на ходу — мадонна в голубом платке перекрестила меня.

Конвойные привычно покрикивали «шнель» и «хальт», тыкали прикладами в спины тех, кто замедлял шаг.

Начальник охраны, унтер-офицер СС, или, иначе говоря, обершарфюрер, шагал, как обычно, по тротуару. Он не вынимал рук из карманов, даже когда шел в гору, его движения всегда были скованны. Он сутулился, то выпячивал грудь. Большая голова казалась приставленной от другого туловища. Лицо одутловатое. Глаза слегка навыкате, их вернее назвать не холодными, а ледовитыми. То ли я где-то читал, то ли слышал о такой внешности, как у обершарфюрера: не власть, но пресыщение властью было написано на его лице. А какой чистоплотный! Брезговал близко подходить к заключенным. От него всегда пахло так, словно он только что вышел из парикмахерской.

Наутро я снова увидел молодую женщину в голубом платке. Она улыбнулась мне, как старому знакомому.

Я постарался в ответ выдавить какое-то подобие улыбки.

И она снова перекрестила нашу колонну.

Отныне я всегда шагал в колонне левофланговым, у самого края тротуара.

Однажды полька в голубом платке сунула мне за спиной конвоира несколько сигарет, в другой раз передала вареные картофелины, в третий раз — пайку хлеба.

Я протянул руку за хлебом, уже прятал его за пазуху, как тут же грохнулся на мостовую. Молодая полька вскрикнула. Это конвойный двинул меня прикладом в спину. Я упал в слякоть, но хлеб не выронил, а конвойный не стал его отбирать. Ну что же, ради хлебушка стоило и пострадать! Разделю на четыре ломтика, угощу в шахте Цветаева, Остроушко, молчуна и верзилу Беспрозванных.

Тут нужно упомянуть о сущей мелочи, которая, однако же, сыграла роль во всех дальнейших событиях. В Собибуре, в лагере военнопленных, где я маялся до того, как меня пригнали в Силезию, всем русским вшили в сукно шинели треугольник с буквой «Р»; узников этой категории содержали на самом строгом режиме. Но здесь, в Польше, начальная буква слова «русский» читалась в латинском начертании и могла указывать на то, что я поляк.

Часто я с благодарностью вспоминал потом этот треугольный лоскуток сукна с буквой «Р». Возможно, благодаря ему полька в голубом платке и обратила на меня внимание. Ведь не мог же я чем-то ей понравиться — чумазый, ходячий скелет в толпе таких же скелетов! Или мне удружил конвойный, который сбил меня с ног внезапным ударом в спину?

Как-то при подъеме в гору колонна остановилась неподалеку от знакомого дома с каменным крыльцом. Женщина в голубом платке почтительно заговорила с мордастым обершарфюрером и все показывала свои руки и кивала в мою сторону.

Как выяснилось потом, молодая полька выдала меня за своего знакомого и просила пана офицера отпустить до вечера из-под стражи, чтобы я нарубил ей дров. Муж ее, хотя и поляк, но силезский поляк, арийского происхождения, воюет за фюрера на восточном фронте. Если пан офицер не возражает, она в знак благодарности зажарит гуся к рождеству. Правда, до рождества еще далеко, зима только начинается. Но гуся нужно присмотреть в деревне заранее, чтобы его как следует откормить специально для пана офицера. Пусть ее гусь напомнит пану офицеру о праздничном столе, каким он, наверно, бывал у пана офицера дома до войны.

Обершарфюрер осклабился, выпятил грудь: он явно хотел выглядеть любезным и великодушным. Ему очень льстило, что его называют офицером. Он величественно поманил меня пальцем и этим же пальцем стал грозить, едва я приблизился.

Что он от меня хочет?

Оказывается, он разрешает отлучку из-под конвоя до вечера.

Я боялся, что женщина в голубом платке заговорит со мной по-польски в присутствии обершарфюрера или что сам он задаст какой-нибудь вопрос, на который придется ответить. Ведь не по-русски же мне теперь отвечать!

Но вопросов, к счастью, не последовало.

Я вытянулся в струнку, всем своим видом являя образец послушания и страха перед начальством. Острый запах то ли одеколона, то ли шампуня кружил мне голову.

Когда арестанты будут возвращаться из шахты — чтобы я стоял, как вкопанный столб, на этом самом месте и ждал. Эсэсовец повел вытаращенными глазами и высмотрел табличку с номером дома у крыльца. Если я попытаюсь

убежать, то... Он выразительно присвистнул и дернул самого себя за воротник шинели. Этот жест уже относился не ко мне, а к польке. Обершарфюрер наглядно показал, как именно будет вздернута на виселицу «ди ганце фамилие»...

При этой угрозе полька слегка изменилась в лице.

Обершарфюрер, не вынимая рук из карманов, удалился. Вот уже пропали из виду его чахлые плечи, погон серебряного шитья на правом плече, черный бархатный воротник, который по-прежнему стоял торчком, и высокая фуражка...

Прошаркали по мостовой хромоногие, «доходяги», напоследок простучали стальными подковками часовые, замыкающие колонну, а я все стоял на тротуаре.

4

Уже давно я мысленно вычеркнул себя из жизни, а тут вдруг спасение на самом краю могилы! От ощущения свободы закружилась голова и подкосились ноги.

Ну какой из меня дровосек! Топором как следует замахнуться не сумею!

Ко мне вернулся дар речи. Пани ошиблась, приняв меня за земляка. Она улыбнулась. Ей отлично известно, что я не поляк. Она слышала, как я переговаривался по-русски со своим соседом, рыжеватым пленником, тем самым, у кого не потухли глаза. Буква «Р», вшитая в мою шинель, только помогла ей убедительнее соврать.

Я совладал со слабостью и спросил, где лежат дрова, где топор. Последовал ответ: никаких дров колоть не нужно, она давно справляется с ними сама, как это ни трудно! Поленья сплошь сучковатые и сырые.

Она открыла передо мной дверь дома. Я поднялся на крыльцо и несмело переступил порог.

Светлая прихожая с зеркалом и с просторной, пустой вешалкой. За прихожей, в затемненной комнате, тихо стонал больной старик. У его постели играла в куклы уже знакомая мне девочка.

Прошли в соседнюю комнату. Хозяйка предложила мне снять шинель, присесть. Но разве смел я раздеться, сесть на кушетку или на стул в чистой комнате? Как это хозяйка не замечает: от шинели исходит зловоние, меня одолевают вши. Или она щадит меня и притворяется ненаблюдательной?

Я вышел во двор, нашел укромный куток, разделся догола, сложил за поленницей белье и снова натянул на себя отрепья. Занятый своим туалетом, я пропадал во дворе довольно долго. И совсем не подумал о том, что хозяйка сильно встревожена моим долгим отсутствием!

Я это понял, только когда хозяйка пришла за дровами. Она несколько раз отсылала меня в дом: долго ли простыть на зимнем ветру в гимнастерке, надетой на голое тело?

Притащил мелко наколотых дров, достал воду из колодца. Хозяйка попросила залить до краев большой бак на кухонной плите. Уже шесть ведер, куда столько?

Хозяйку зовут Тересой. В свою очередь, она спросила мое имя. Оказывается, Федор — по-польски Тадеуш — распространенное имя среди поляков. И она почти беззвучно рассмеялась, вспомнив про уловку с буквой «Р», вшитой в мою шинель на левой стороне груди.

Тереса убрала дорожку с крашеного пола. Наверное, затевает мытье полов. Но тогда зачем она, помимо ведра, притащила в комнату таз, корыто, кувшин с кипятком? Оказывается, это баня для меня! Тереса отодвинула стол к стене, окна занавесила. Лампадка у распятия тускло освещала комнату.

Пришло время раздеваться. Я стянул гимнастерку. Кости вот-вот пропорют тонкую кожу. Тереса вскрикнула: «О матка боска!» — и закрыла лицо руками. Она застыдилась того, что не сумела скрыть испуга.

Тереса помогла мне раздеться, собрала в охапку зловонные лохмотья и вынесла их куда-то.

В ее отсутствие я попытался зачерпнуть кипятку, но то ли споткнулся на ровном полу, то ли пошатнулся. Рука задрожала, кипяток выплеснулся, меня обожгло, и я едва не разбил кувшин.

Очевидно, Тереса услышала стук. Она поспешно вернулась и принялась меня мыть. Я протестовал, упирался, но все нерешительнее, по мере того, как помощь становилась нужнее. Я заново и остро ощутил стыд, от которого нас так долго отучали в лагерях.

Но поведение Тересы меня чем-то и огорчило: молодая женщина совсем не смущается моей наготы — настолько я жалок, немощен. Живой скелет, кандидат в «доходяги»...

Тереса принесла заранее припасенный сверток с бельем, шерстяную фуфайку, старенькую военную гимнастерку польского покроя, галифе диагоналевого сукна с аккуратной заплатой на колене. Принесла со двора мою шинель и пилотку, черные от угля. Тереса ожесточенно водила утюгом по швам шинели и гладила пилотку с изнанки. В комнате запахло паленым сукном.

В простенке между окнами домовито тикали ходики, а под ними висела фотография польского жолнежа. Я подошел, всмотрелся. Жолнеж стоял у тумбочки, излишне выпрямившись, с той старательной выправкой, какая отличает новобранцев. Щеголеватое, с иголочки обмундирование. Нет, это не брат Тересы, ни малейшего сходства: черноволосый, с густыми, сросшимися бровями, заходящими далеко на виски, так что все лицо как бы перечерчено сплошной черной линией.

Муж Тересы действительно на восточном фронте, но только не у фашистов он служит, а воюет «в партизанке», в Свентокшиских горах. Сперва числился в Армии Краёвой, но те больше отсиживались, чем воевали, и тогда он, как и другие шахтеры, перешел в ряды Гвардии Людовой. Но вот беда: скоро год, как не было известий от него или о нем...

Оказывается, и муж, и отец Тересы, и дед ее всю жизнь проработали в той самой шахте, куда теперь гонят пленных мимо окон.

Потом я сидел, разморенный теплом, за столом. И, стыдно сказать, ни о чем не мог думать, кроме еды.

На стул рядом со мной взобралась девочка. Она без особого любопытства взглянула на меня ясными синими глазами и принялась доверительно что-то рассказывать. Я понял, что она уже накормила дедушку.

Где же Тереса? Я заглянул в переднюю и обомлел: она стояла перед зеркалом! Глаза горели живым блеском. Нарядная кофточка. Платок откинут на плечи. Руки обнажены. Пепельные волосы скручены тяжелым жгутом на затылке.

Да, Тереса в самом деле очень похожа на мадонну, смотрящую с иконы. Не мешает и ямочка, едва обозначенная на впалой щеке, и яркие, чуть припухлые губы на бледном лице.

Неужто для меня Тереса нарядилась, для меня прихорашивалась перед зеркалом, прежде чем выйти к столу? Странно, почти невероятно: кто-то еще хочет мне понравиться!

А может, она пыталась вернуть мне утраченный вкус к жизни? Она как бы говорила: «Не смей думать, Тадеуш, что жизнь от тебя ушла. Не теряй бодрости, а главное, веры. Храни, свято храни присутствие духа. Тогда ты сохранишь и человеческий облик. Голову выше, милый! Ты еще нравишься молодой, красивой женщине!»

Перед тем, как приступить к обеду, Тереса обратила глаза к распятию и произнесла молитву за путешествующих. Девочка слово в слово вторила матери. Насколько уразумел, я был назван убогим и сирым странником, которому следовало дать пропитание и показать дорогу домой так, как бог показывает птицам небесным путь к старым гнездам...

Честно говоря, я с нетерпением ждал, когда окончится молитва и можно будет взяться за ложку. Ах, этот запах наваристого, дымящегося супа! В нем плавали кусочки самого настоящего мяса.

Я старался не выглядеть жадным, но вряд



ли это удалось: глотал, все время обжигаясь. На второе Тереса подала овсяные хлопья с мармеладом. Затем пили желудевый кофе с сахарином. Разве все это можно назвать обедом? Божественный пир!!!

Один лишь день провел я в комнате Тересы, но стал другим человеком. Право, не знаю, удастся ли это вам пояснить. Дело не только в том, что я впервые за много-много месяцев был сыт, что милосердные руки смыли с меня пот и грязь. Самое главное, я вновь почувствовал, что у меня есть будущее. Ну, а если моему вновь обретенному будущему суждено скоро оборваться, хотя бы один палач заплатит своей жизнью за мою.

Просто невероятно, до чего быстро вернулись ко мне силы. Воскрешение из полумертвых! Тереса не просто выкупала меня, а спрыснула волшебной живой водой...

И чем более сильным чувствовал я себя, тем неотвязнее становилась мысль о бегстве. Пока нашу колонну погонят из шахты обратно, пока к дому подойдет, не вынимая рук из карманов, узкоплечий, мордастый обершарфюрер, который притворился перед самим собой или перед пани Тересой добряком, я смогу убежать ох как далеко!

Нужно долгие месяцы прожить за колючей проволокой, чтобы понять цену свободы. Бежать, бежать, бежать куда глаза глядят, вот и одежда теперь позволяет...

Очевидно, Тереса, которая уложила девочку в кровать, а сама сидела у лампы и пришивала пуговицы к шинели, понимала мое состояние.

А я молча смотрел на Тересу, склонившуюся над шитьем, — голова в ореоле волос, позолоченных светом, — смотрел на ее маленькие, проворные руки, огрубевшие от работы; руки были совсем смуглыми при свете лампы.

Все тревожнее я прислушивался — вот-вот раздастся гудок шахты, конец смене.

Тереса предупредила: гудок громкий, он хорошо слышен в комнате за двойными рамами.

Ждал я, ждал гудка, а он оказался все-таки неожиданным! Да так и ударил в уши, словно проревел на крыльце дома!

Теперь я уже мог точнее вести счет минутам. Они текли безвозвратно. Вот клеть подняла последнюю партию лагерников. Вот они уже выстроились на аппель; эта перекличка проходит быстро, потому что эсэсовцы сами торопятся к обеду. Вот колонна потянулась к воротам шахты. Вот уже Беспрозванных месит мокрый снег своими огромными сапожищами, которые просят каши, а вслед за Беспрозванных по мостовой волочат ноги все остальные...

Близилась минута возвращения в лагерь.

Свобода была так близка, что казалось, я мог коснуться ее рукой. Это был лишь призрак свободы, добрый, но бесплотный призрак.

Признаюсь, я был сильно подавлен и не удержался, посетовал вслух на свою злую судьбу.

И тогда Тереса, не поднимая головы от шитья — лишь пальцы ее вздрогнули и перестала сновать иголка с ниткой, — заговорила со мной.

Пан Тадеуш называет себя несчастным. Конечно, он имеет для этого основания. Но для того, чтобы считать себя несчастным, пану нужно меньше сил, чем для того, чтобы чувствовать себя счастливым. Ах, это гораздо труднее — не признаваться себе в том, что несчастен! Несмотря на все несчастья! И зачем пан Тадеуш говорит со вздохом: «Злая судьба»? Вера в судьбу, слепое подчинение ей очень удобны для безвольных людей. Всегда можно сослаться на судьбу, на провидение. Так легче оправдать свое малодушие...

Конечно, я мог бы сказать кое-что в свое оправдание, но не имел права раскрывать наши лагерные дела.

И тут, по-прежнему не подымая головы, как бы между прочим, Тереса сказала, что убежать из лагеря — еще не самое трудное. А самое трудное — убежать из лагеря и не быть пойманным.

Самый надежный из всех известных ей планов — заблудиться в шахте, не подняться после смены на поверхность. Выждать под землей, пока придет Червоная Армия. По-видимому, речь идет о двух или трех неделях. В шахте работают надежные люди. Они помогут заблудиться. А еще есть добрые люди, которые прокормят нескольких беглецов.

Нужно лишь найти на двести шестьдесят втором горизонте машиниста насоса по имени Стась и попросить у него табачку: «Бардзо проше едну понюшку. Меня привела до вас святая Барбара». Если Стась ответит, что дорога верная и даст понюхать табачку, значит, с ним можно обо всем договориться.

Разыщу, во что бы то ни стало разыщу Стася с двести шестьдесят второго горизонта!

— Вручаю тебя провидению,— сказала Тереса на прощание.— Выше голову, россиянин!..

Мы стояли на крыльце дома. Улица уже вобрала в себя стекающую под гору колонну пленных. Все отчетливее слышалось тяжелое шарканье сотен ног и лающие окрики «хальт», «шнель», «форвертс». Опережая колонну пленных, ветер нес запахи давно не мытых тел, прокисшего шинельного сукна и зловонных портянок,— утром я не ощущал этих удушливых запахов с такой остротой.

Напоследок Тереса обняла меня и крепко поцеловала в губы.

Может, я и в самом деле стал чем-то дорог Тересе? Какой-то философ утверждает, что нам дорог не тот человек, кому мы многим обязаны, а тот, кому мы сами сделали добро, на кого потратили силы души.

А может, в том прощальном поцелуе отпечаталась горькая тоска молодой женщины о любимом, который еще неизвестно, вернется ли и когда?..

Среди редких прохожих на тротуаре показался лупоглазый обершарфюрер. Черная фуражка с высокой тульей виднелась издали. Бархатный воротник черной шинели по-прежнему поднят.

Он только прикидывался невозмутимым и безразличным, а на самом деле еще издали хищно высматривал молодую польку в голубом платке и рослого поляка в угольной шинели, то есть меня.

Эсэсовец увидел нас, осклабился и продолжал шагать тем же легким шагом человека, спускающегося с горы. Тереса побежала к нему навстречу и принялась на ходу благодарить. Теперь никакие морозы ей не страшны. Она напишет мужу на восточный фронт, что немецкое командование позаботилось о ней, солдатской жене. А что касается рождественского гуся — пусть пан офицер только прикажет... Мордастый благосклонно кивнул.

Он уже поравнялся со мной, и меня обдало запахом одеколона. Не вынимая рук из карманов, он с брезгливой гримасой подтолкнул меня коленом к обочине тротуара и что-то буркнул при этом конвойному.

Мимо конвойного шагнул я в слякоть мостовой. Мелкий каменный порожек показался мне высоким-высоким. Словно соступил с этого порожка в бездонную пропасть, откуда нет возврата.

Продолжение следует.



БЕСПОЩАДНАЯ Л

Заметки народного заседателя

О. КУПРИН

Ложь на коротких ногах

Началось все с того, что на собрании нашей редакции меня избрали народным заседателем суда Тимирязевского района Москвы. Пришел в условленное время. Дали мне пачку дел, которые назначены к слушанию. Читай, говорят, разбирайся, короче, готовься быть справедливым. И началась моя судебная практика.

В судах раньше я бывал редко, и вершители правосудия казались мне воплощенной строгостью. Выходят они втроем в зал заседаний, все встают, и слова звучат, как клятва: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... Приговор...»

Иногда человек, стоящий перед судом, и не подозревает, что за вопросами, которые задают ему люди, сидящие в креслах с высокими спинками, кроется борьба за него самого.

Так было с рабочим ЗИЛа Б. Ф. Костылевым. Решил он во время отпуска подработать, пришел в какое-то строительное управление. Там смерили его оценивающим взглядом, сказали, что берут и в деньгах не обидят. И не обидели. Проработал Костылев всего несколько дней, а в день зарплаты получил не больше, не меньше, как 1 213 рублей старыми деньгами. Из них 900 рублей он отдал одному из своих «благотворителей». Остальные положил в карман и продолжал преспокойно отдыхать.

Только дело на этом не кончилось. Однажды пришла повестка: явиться к следователю. Оказывается, «благотворители» из конторы строительного управления успели переехать в другое помещение — с железными решетками, и его, Костылева, привлекли как свидетеля. Были у следствия другие доказательства и другие свидетели лихих операций дружной компании воров из строительного управления, но так уж положено — допрашивать всех, кто что-либо знает по разбираемому делу. Допросили и Костылева. Ничего нового он не сказал, лишь подтвердил то, что было уже известно, и про 900 рублей тоже сказал. Вызывали его еще раз — он повторил свои показания. Дело близилось к концу, оставалось провести еще очную ставку. И тут случилось неожиданное: свидетель начисто отрекся от всего, что говорил раньше. Так возникло еще одно уголовное дело, по которому Костылев привлекался за дачу ложных показаний.

...Он стоит перед нами, уставился в пол и твердит:

— Ничего не знаю. Никому я денег не давал.

Я смотрю на него, пытаюсь встретиться с его взглядом. Характерное лицо рабочего человека, большие руки. Голос глухой. Да, у него есть дети. Да, он воевал. Нет, не верю, чтобы он был преступником. Чувствую, что и мои коллеги думают так же. Но он твердит одно: «Не знаю... Не давал...»

— Но вы же подписали протоколы, в которых записаны ваши слова?..

— Я их подписывал, не читая...

Давно уже пора объявить: «Суд удаляется на совещание для вынесения приговора». Все встанут. Мы уйдем в совещательную комнату. А многоопытный секретарь сбегает за караулом, чтобы, если случится худшее, взять обвиняемого под стражу тут же, в зале суда. Но мы пока сидим и спрашиваем, уточняем, пытаемся докопаться до истины. Напрасно. И тогда...

— Подсудимый Костылев, вам предоставляется последнее слово.

Подсудимый, не поднимая головы, неуверенно, спотыкаясь на каждом слове, произносит:

— Прошу... при вынесении приговора... учесть...— и замолкает.

— Так что же мы будем учитывать? Мы же лучшего вам хотим. А правду ли вы говорите? Так что же нам учитывать?

В зале гробовая тишина. Сейчас все решится. Я не знаю, кто больше волнуется: он там, за барьером, или мы за своим столом.

— Виноват...— Костылев поднимает голову: видно, правду, какой бы она ни была, говорить легче, чем ложь. Теперь я вижу глаза этого человека: в них отчаяние, но они не просят пощады.— Было. И деньги отдавал. И соврал. Потому, что очень мне стало его жалко на очной ставке. Таким слабым и маленьким человеком он показался. Дело-то в тюрьме было. Жалко стало. Виноват...

Костылева мы осудили на год исправительных работ по месту работы. А не скажи он правды, грозила бы ему тюрьма. Нет, все-таки коротки ноги у лжи. Далеко не уйдешь на них.



Процесс о потерянных брюках

Строго говоря, такого процесса не было, но решение мы написали и поставили свои подписи. Исковое заявление в суд начиналось именно так: «Прошу взыскать за потерянные брюки...» Ответчик — мастерская по ремонту одежды — своего представителя не прислал, истец писал, что тяжело болен. Закон позволял нам рассмотреть дело без участия сторон, что мы и сделали. Брюки были, кажется, в полоску, кажется, основательно поношенные и заштопанные. Папка, в которой покоилось это «важное» дело, была довольно пухлая. Там лежали заявления, ходатайства, толстые письма, квитанции, повестки, с которыми бедные почтальоны гонялись за адресатами. Короче говоря, дело оформлено по всем правилам.

За потерянные брюки мы, разумеется, взыскали с мастерской. Взыскали также и судебные издержки. А их накопилось немало. Все это мне казалось довольно смешным курьезом до той самой минуты, когда председатель протянул решение, чтобы я подписал. Тут уже было не до смеха.

Бумага была составлена опять-таки по всей форме. Решение о потерянных брюках выносилось именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики!!! О тех самых брюках в полоску, поношенных и заштопанных. Слова, которые я, да и не только я, воспринимал, как клятву, звучали тут кощунственно и унизительно.

Как же так? Неужели такой пустяковый вопрос нельзя было уладить без суда? Неужели грошовая тряпка достойна считаться государственным вопросом? Я не знаю, какая «трагедия» разыгралась в мастерской. Может быть, заказчик был излишне резок. Может быть. Но брюки-то потеряли, и он в этом не виноват. Конечно, в жизни всякое бывает. Зять взял в долг у тещи десять рублей и не хочет отдавать. Теща подала в суд. Противно разбираться в этой истории, но приходится. Тут, видно, необходимо третье лицо, а подчас и карающая рука. Но когда в подобном деле замешаны предприятие или учреждение, которыми руководят, надо думать, ответственные товарищи, это уже не просто противно. Пускаться во все тяжкие из-за поношенных брюк с больным пенсионером, не отрицая, что в конце концов сами виноваты, позорно. Негоже государственному предприятию, призванному культурно обслуживать население, занимать позицию мелкого склочника.

Дело не только в потерянных брюках. Был у нас длинный процесс о неудачно скроенном воротнике. Говорят, встречаются в судебной практике «принципиальные» споры о плохо прибитых подметках и скверно выстиранных рубашках. Обычно виновным оказывается тот, кто кроит, прибивает и стирает. С них взыскивают за испорченные вещи, и ателье или мастерская платят. Порой даже кажется, что делают они это не без удовольствия. Представитель набедокурившей организации выходит из зала суда, облегченно вздыхает: «Ну, слава богу! Покончили с этим кляузным делом. Решение суда есть. Теперь наше дело сторона». Так и будет: деньги спишут со счета ателье или мастерской. Просто так взять и заплатить за свою ошибку не всегда можно, а коли суд присудил, тут и взятки гладки.

А что проще: создали бы у себя комиссию на общественных началах и разбирали бы сами подобные споры, наказывали бы виновных!

...Самый большой род дел, которые разбирают суды, — это так называемые «заячьи» дела. Человек ехал без билета, угодил на контролера. На месте штраф платить не захотел. Не заплатил и позже. Теперь слово за судом. Каждое отделение любой железной дороги имеет на этот случай типографски отпечатанный иск, в котором такие слова: «...так как иск бесспорный, просим дело рассмотреть в отсутствие нашего представителя». Но раз уж иск бесспорный, то стоит ли его рассматривать в суде? Стоит ли заводить на каждую «заячью» историю папку, посылать повестку и писать все то же решение от имени Республики? Оказывается, нужно соблюдать форму. И судьи, которые и без того загружены по горло, соблюдают эту форму исключительно для самой формы.

«Тонкие» дела

Недалеко от нашего суда есть булочная-кондитерская. Там всегда — горячий кофе, пирожки, слойки — короче говоря, все для того, чтобы, как говорится, заморить червячка. Обычно туда мы ходили обедать. Так было и в тот день. Время самое обеденное, и народу в зале предостаточно. Объявили перерыв всего на двадцать минут, сказали, что идем пить кофе и советуем всем следовать нашему примеру. Почти все, кто был в зале, дружно отправились следом за нами в булочную. Среди них приметил я три парочки. Очень симпатичные люди. Они расположились за столиками и о чем-то мило беседовали. Были улыбки, были шутки в наш адрес. И, как пишут в газетах, «обед прошел в теплой, дружественной обстановке».

«Что же привело их в суд?» — недоумевал я и, едва мы вошли в совещательную комнату, посмотрел дела. Невероятно! Развод!

Да, в тот день было три бракоразводных процесса, совершенно не похожих друг на друга, три процесса о погибшей любви, три трагедии.

Первый. Ей двадцать четыре года, ему двадцать два. Свадьбу сыграли меньше года назад. И расходятся. Почему? Молчат. Нет, все же почему? Не сошлись характерами... Видно, приключилась с ними какая-то беда, а говорить о ней не хотят. А может быть, просто ошибка, которая очень скоро ста-

ЮБОВЬ



ла явной. Поторопились, не узнали друг друга как следует. Друзьями были хорошими, а вот семьи не получилось. Функция народного суда не разводить, а сделать попытку помирить супругов. Но они не поругались, десять минут назад они мирно пили кофе в булочной.

— Живете пока еще вместе? — спрашивает председатель.

— Нет, врозь.

Они все решили без нас.

Вторая пара. Эти гораздо солиднее. Поженились десять лет назад. На первые вопросы отвечают с улыбками, с этакой напускной бодростью. К такому обороту дела мы уже привыкли. Почти все бракоразводные процессы начинаются улыбками, а кончаются слезами.

— Почему решили расторгнуть брак? — Вопрос звучит сухо и волнующе, как выстрел стартера на соревнованиях. Сейчас начнется...

И началось. Перед нами совсем другие люди. Полчаса они убеждают нас, что ненавидят друг друга. Он на чем свет стоит ругает ее, она, в свою очередь, поливает грязью его. Они тоже были в булочной и пили кофе за одним столиком и о чем-то перешептывались, наверное, договаривались, как вести себя в суде. Ясно, теперь они перед нами разыгрывают никому не нужную комедию. А все из-за развода, ради него они чернят друг друга.

— А дети у вас есть? — спрашиваю ее.

— Нет...— Она закрывает лицо руками.— И не может быть.— Она судорожно ищет в сумочке платок, впопыхах не может найти, а слезы текут рекой, словно хотят поведать судьям о горе, о котором нельзя рассказать посторонним людям словами.

Да, тут мы, чувствуется, вторглись туда, куда не имеет права заглядывать самый справедливый и самый человечный судья. Кто посмеет после этого задавать еще какие-то вопросы? Мы не посмели.

Третья пока еще супружеская пара. Он подчеркнуто вежлив с ней. Она смотрит хмуро. Они тоже были в булочной. Он был активнее всех в нашей компании, а она не промолвила ни слова. Теперь старается подальше отодвинуться от него на скамейке.

Это дело, пожалуй, самое ясное. Муж трезвый внимателен и ласков, зато пьяный страшен: ругается, дерется, детей запугал. Да и жену тоже запугал. Маленькая, тихая, видно, много пережившая женщина стоит перед нами.

— Больше жить с ним сил моих нету. Не могу.

Вот и все аргументы. А он клянется, что исправится. Но клянется уже в сотый раз. Никто ему не верит: ни она, ни мы.

...Дело о разводе! Должно быть, добрую сотню раз уже писали об этом злополучном деле. И каждому, кто побывал на бракоразводных процессах, было, наверно, не по себе. А судьям, пожалуй, и того хуже. Они должны спрашивать, допытываться. Каждый бракоразводный процесс — это итог одной жизненной драмы. Сама драма уже обычно позади. Позади слезы незаслуженных обид, ссоры, компромиссы, угрызения совести и порой отчаяние. Позади «мильон терзаний». А мы, судьи, должны заставить людей пережить всю драму сначала. И из-за чего? Чтобы написать в решении, что дело «разбором в народном суде закончено»? Я спрашивал у председателя Анатолия Васильевича Мартынова, много ли супружеских пар удалось ему примирить.

— За все время дважды. Да они бы и без меня пришли к тому же.

А за две недели мы разобрали десятка два разводов. Приносят тебе тонкую папку. Всего-то там обычно три листочка: исковое заявление, свидетельство о браке, вырезка из «Вечерней Москвы» да повестки, извещающие о том, когда бывшим супругам предложено совершить предпоследний совместный вояж. Последний будет в городской суд, где все повторится вновь.

Стоит ли задавать нескромные вопросы над могилой семейного счастья?

Мы не могли вернуть любви первой паре, потому что, скорее всего, и не было у них любви. А если была, то ушла. И никто не заставит ее вернуться, даже через милицию или судебного исполнителя. Мы от всей души жалели вторую пару, трагедию которой до конца так и не узнали. А третья? Не расторгнуть такой брак — это значит отдать женщину в рабство пьяному дебоширу, кто бы он ни был ей, пусть даже муж.

Вот какие они, эти «тонкие» дела. Как быть с ними? Много раз возникал этот вопрос, а ничего не изменилось. Авторитетные комиссии все еще решают. Разумеется, вопрос не из легких, но решать-то его все-таки нужно. Разве нельзя, например, отдать эти дела загсам? Пусть тот загс, что зарегистрировал брак, займется и разводом. Пусть придут туда давние или недавние молодожены, пусть вспомнят, как пришли сюда впервые.

Час из жизни Анатолия Максимова

И ничегошеньки в них общего не было — в скромной, серьезной Валентине и в бесшабашном, быстроглазом Тольке. Общей, пожалуй, была лишь любовь. Потом родился сынишка. Года три прошло с той поры. Даже не прошло, а скорее прокатилось под горку. Работал Анатолий в магазине, Валентина — на московской фабрике имени Ногина. И сначала все было хорошо. Жили в достатке. Оба учились.

И вдруг пришел в семью многоопытный враг — водка. Анатолий бросил занятия, начал частенько приходить домой, что называется, на бровях, скандалить и драться. Другим, совсем другим стал Толька.

А Валентина все такая же, даже еще серьезнее стала. Придет с работы и «грызет» свою алгебру да тригонометрию. Грызет до очередной мужниной пьянки. Там уж не до науки! Пригрозила однажды Валентина мужу разводом — не подействовало. Пошло бракоразводное дело своим ходом — через последнюю страницу «Вечерней Москвы» в зал заседаний суда. Не знаю, в чем обвиняли супруги друг друга. Факт тот, что развели их по обоюдному согласию.

Правда, не один и не два месяца потребовалось, чтобы узаконить то, что уже совершилось давно,— оформить развод. И как раз в это время началась та история, которая привела Анатолия на скамью подсудимых.

Однажды пришла Валентина в школу с синяком. Друзья к ней: что случилось? Расспрашивают, сочувствуют. Не выдержала Валентина, рассказала о своей печальной судьбе. Муж опять напился, опять была драка. Давно не муж он ей, а дерется по-старому. И суд развод никак не утвердит. После уроков домой ее провожал Виктор, невысокий скромный парень из ее же класса. Говорил он какие-то простые слова, и Валентине чудилось, что он лучше всех понимает ее. Наверное, так оно и было, потому что жизнь семейная у Виктора тоже прокатилась под горку. Только не он в этом был виноват, а та, что была когда-то его женой.

Когда Валентина заболела и пропустила занятия, Виктор пришел к ней, чтобы рассказать, о чем говорили в классе. Рассказал и получил первый тумак от «пока еще мужа». Последний предупредил, что если «товарищ из класса» явится еще раз, будет хуже. «Товарищ из класса» явился, и было действительно хуже: «уже не муж» замахнулся на Виктора подвернувшимся под руку утюгом. Не будь рядом соседей, неизвестно, чем бы кончилась эта «встреча». Зато на третий раз встреча кончилась уголовным делом.

Было воскресенье. Анатолий, как обычно, с утра опохмелился. Стоял у окна и думал, как бы «посодержательнее» провести выходной день. Настроение было отличное. И вдруг... Нет, это уж слишком! В окно он увидел Валентину и того, что учится с ней в одном классе. Но самое страшное было не это. Чужой человек нес на руках сынишку. Его, Анатолия, сына! И как могла Валентина?.. Ярость бурлила в груди, ярость выбросила из памяти события последнего времени. А в последнее время в жизни Анатолия произошло важное событие: ему официально было сказано, что он уже не муж и Валентина ему не жена. Но Анатолий сейчас не думал об этом. Он бросился на улицу. Коршуном налетел на Виктора. Ударил раз, другой, третий...

— Подсудимый Максимов, признаете вы себя виновным?

— Признаю... Но он нес на руках моего сына. Граждане судьи, вы понимаете, это мой сын! Мой!

— Да, ваш. Вы его можете навещать, если на это согласится гражданка Максимова. Но вы не забывайте, что она уже вам не жена. Воспитывает ребенка она. Вы для нее чужой человек.

— Но сын! Сын-то мой! Я люблю его.— Он с трудом произносит последние слова, словно только сейчас понял то непоправимое, что случилось. Хотя почему непоправимо? Может быть, не поздно все уладить! Как же он станет жить без сына? На всей земле у него нет никого дороже. Почему он раньше не понимал этого, почему не заметил, как из жизни ушло самое главное? Нет, вернуть, вернуть во что бы то ни стало! Но Виктор... Он сидит тут же в зале и все время смотрит на Валентину, чего доброго, уже влюбился...

— Подсудимый Максимов, у вас есть вопросы к свидетельнице Максимовой?

— Есть.

Но это были не вопросы. Анатолий начал осуществлять тут же, на месте, выработанный план. Нужно очернить Валентину в глазах Виктора. Как угодно! Он самозабвенно говорил ложь, произносил грубые, гадкие слова.

Валентина не могла отвечать ему, не смогла оправдываться. Она беззвучно плакала. Да и стоило ли оправдываться?

Еще один допрос. Перед нашим столом Виктор. Собственно говоря, спрашивать уже не о чем: все и без того понятно. Но все-таки задают ему вопрос:

— Как вы относитесь к гражданке Максимовой?

Виктор долго роется в кармане, потом протягивает нам через стол листок:

— На днях мы зарегистрировали с ней брак. Вот свидетельство. Валентина взяла мою фамилию...

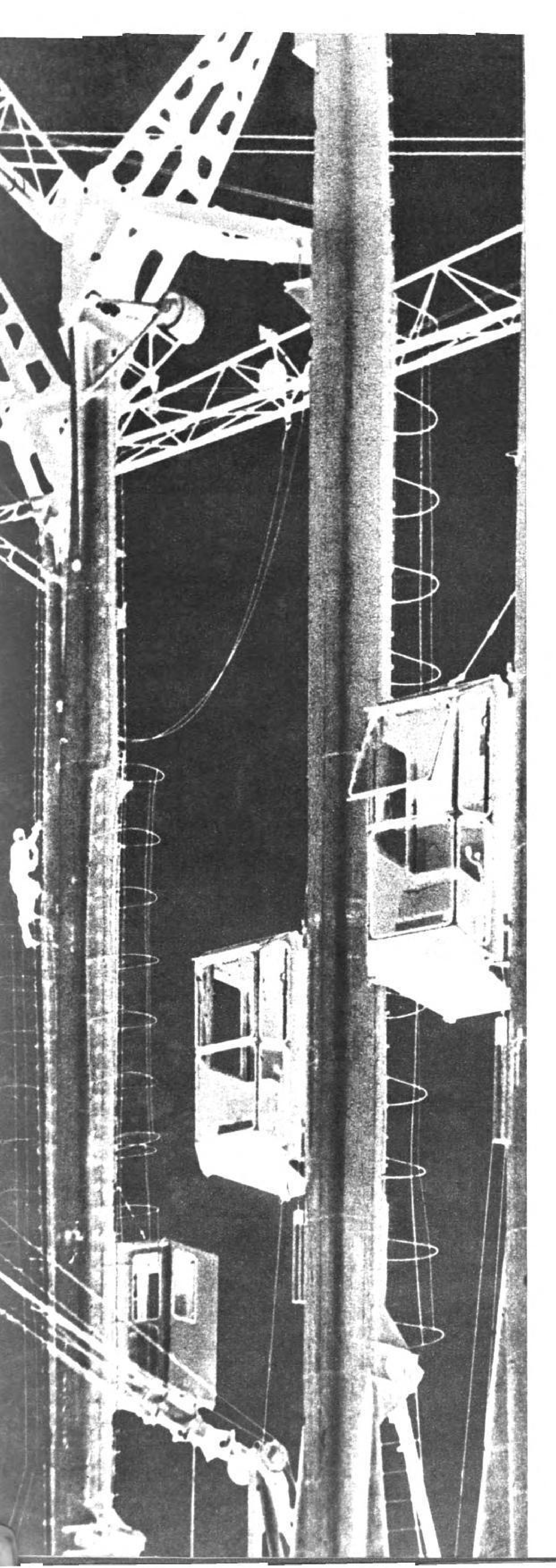
Анатолий уставился в пол. Красноречие улетело куда-то, осталось одно отчаяние.



...Милиционер похлопал его по плечу: мол, ничего, парень, не унывай, полгода — срок пустяковый. Он молча вышел из зала. Мы осудили его на шесть месяцев лишения свободы, сам он приговорил себя к куда более страшному наказанию... У его сына будет другой отец.

* * *

Кончилась моя народнозаседательская деятельность. Кресло мое с высокой спинкой занял другой человек — кряжистый мужчина, плотник одного из московских заводов. Я смотрел на троих судей теперь уже из зала, как сторонний наблюдатель, и слово «судья» уже представлялось мне не воплощенной строгостью, а скорее строгой человечностью, беспощадной любовью к людям.



ТРУД И МЫСЛЬ

— Как назвали бы вы эти снимки? Какие мысли рождают они у вас?

С этими вопросами редакция журнала «Огонек» обратилась к писателю Борису Агапову.

Так появились эти своего рода комментарии писателя к работам фотокорреспондента И. Тункеля.

Бор. **АГАПОВ**

Фото **И. ТУНКЕЛЯ.**

I

Как назвать фото справа?

«По ступеням знания»?

«На пути к открытию»?

Названия, в общем, правильные. Но есть в этом фото нечто не только от науки.

Когда судьба — работа или война — забрасывает мужчин далеко от родных мест, они берут с собой фотографии женщин. Женатые — снимки жен, влюбленные — любимых, а те, у кого нет ни жен, ни любимых, обычно люди очень молодые, — берут с собой иногда портреты кинозвезд, которые, как известно, существуют на разные вкусы, так что можно выбрать себе образ, который как будто приближается к идеалу.

Я помню времена, когда были модны образы женщин-вампиров. Как ни странно, совсем недавно я видел подобное капризное, злое, сомнамбулическое лицо из какого-то американского журнала приклеенным к внутренней стороне чемоданной крышки у одного очень юного студента-геолога, отправлявшегося в экспедицию в дебри Дальнего Востока. А между тем, думается мне, если бы жизнь столкнула юношу с этаким существом, он бы бежал стремглав, не зная, что же с ним делать, а то и просто в естественном страхе погибнуть ни за что, ни про что. Нет, он попросту не разобрался ни в себе, ни в той, кого приклеил к чемоданной крышке, ни в нашей советской жизни!

Может быть, девушка на фото справа в действительности и не такая, какой снял ее фотограф (лучше ли, хуже ли?), – это не главное. И может быть, юноша полюбит девушку с лицом совсем другим и вовсе другой специальности, например, зоотехнической или строительной, но я желаю ему от всего сердца, чтобы сущность ее была близка к этому образу. Конечно, на самом деле она не будет являться ему на фоне таинственных световых шаров, созданных искусством фотографии, при вспышках алхимического пламени, в прозрачном шлеме Аэлиты, но зато ее голова будет не только самой прекрасной на свете, она будет еще и богатой. А это — очарование сильнейшее, это стимул к творчеству, это сила дружбы, умножающая силу любви...

Новое время рождает и новые мечты. Фото справа таит в себе полемику. Оно направлено против









всякой пошлости, расслабленности, безмыслия. Оно утверждает наше, советское отношение к людям, к жизни, к женщине...

Может быть, его так и надо назвать «Девушка нашей страны» или «Девушка нашей мечты»?

II

Следующую цветную фотографию я бы назвал «Мастер».

Прекрасное слово! Как известно, его первоисточник — латинское «magister», что значит «учитель», «руководитель». Может быть, когда-то оно было сродни словам «magnus» или «magis» — «большой», «больше», так что «magister» можно было бы перевести старым русским словом «нáбольший», «вожак».

В Европе со средних веков «master» и «meister» означали «умелец», человек, постигший тайны ремесла, искусник. Идея творчества неотделима от этого слова.

Когда-то, до эпохи разделения труда, «каждый, кто желал стать мастером, должен был овладеть своим ремеслом во всей его полноте», — пишут Маркс и Энгельс. Это было время, когда у работающего человека был «известный интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса».

Гете в «Годах странствования» рисует в идиллических тонах такое домашнее производство: «Чижи и щеглята в клетках, подвешенных у потолка, щебечут, вторя пению девушек, и трудно вообразить себе более живую картину, чем комната, в которой работает несколько прях». Но производство это было медленное, непродуктивное, и вот пришел капитализм, свершивший подлинное чудо: на основе новой техники он увеличил производительность труда в сотни, в тысячи раз. Однако это было достигнуто страшной ценой: работающий человек был превращен в часть машины, в глазорукую ее деталь, и творчество было отторгнуто от материального труда. Чижи и щеглята в клетках исчезли вместе с пением девушек. Им на смену пришел грохот заводов, а потом сквозь него стал слышаться стук маятника: появились конвейеры массового производства — железные властители дыхания и пульса пролетариев в капиталистических странах.

Кто же этот человек, которого мы назвали — мастер?

Это рабочий социалистического общества, за спиной которого нет армии безработных, жаждущих встать к его станку. Перед ним нет глаз надсмотрщика, ждущего только признаков усталости на его лице, чтобы тотчас заменить его другим.

Чем же занят этот человек?

Он обдумывает, как скорее и точнее обработать деталь для новой автоматической линии станков, которая должна освободить от работы сотни рабочих. Задача, страшная при капитализме, цель, прекрасная при социализме!

Чем ближе к коммунизму, тем больше будет таких рабочих, как Дмитрий Григорьевич Пеньков с завода станков имени Орджоникидзе в Москве. В социалистическом обществе творчество вновь, уже на высшем уровне, возвращается к работающему человеку,



и не только к такому виртуозу и таланту, как Дмитрий Пеньков. Оно ныне органически присуще миллионам заводских людей, получающих свидетельство об улучшении технологии, миллионам рационализаторов и изобретателей, составляющих гвардию советского рабочего класса.

Усилиями рабочих, инженеров, ученых, которым предстоит технически перевооружить народное хозяйство страны, наша промышленность должна в течение ближайших десяти лет примерно в два с половиной раза увеличить объем продукции и превзойти уровень промышленного производства США. Так намечает Программа партии.

III

Эту фотографию я бы назвал «Ученый». На ней один из десятков тысяч творцов советской науки — доктор Василий Иванович Сорокин, работающий в области эмбриологии. Он снят рядом с экраном, на котором демонстрируется созданный им фильм об эмбриональном развитии цыпленка. Увеличенный в тысячу раз микроскопом и снятый киноаппаратом, живет зародыш, растет, формирует свою сердечно-сосудистую систему. Кадры снимались от минуты к минуте, и все подробности этого тайного процесса жизни можно наблюдать глазом.

Аппаратура, построенная В. Сорокиным и его сотрудниками, позволяет даже получить электрокардиограмму только что возникшего сердца, еще не научившегося ритмично биться, а сокращающегося перистальтически, подобно тому, как сокращается кишечник. Можно воздействовать на зародыш химическими веществами, электротоками, радиоизлучением — и непосредственно наблюдать, как они изменяют жизнедеятельность органов еще не родившегося существа.

Современная наука нашла способы изучать жизненный процесс, не прерывая его, разглядывать деятельность клеток и творящую работу живого вещества в динамике, да еще следить за всеми явлениями при помощи микроскопа, электрокардиографической аппаратуры и киноаппарата! Какой огромный шаг вперед! Какие неограниченные перспективы в области медицины открываются перед учеными!

«Интересы человечества выдвигают перед этими (биологическими. — Б. А.) науками в качестве главных задач выяснение сущности явлений жизни, вскрытия биологических закономерностей развития органического мира, изучение физики, химии живого, разработку различных способов управления жизненными процессами...» Так говорит Программа КПСС.

Наука — нервная система нашего советского общества. Творческая мысль ученого есть могучая движущая сила нашего прогресса, нашего движения к коммунизму.

IV

А эти двое в просторной комнате еще не законченного дома? Чем они заняты?

Они настилают паркет в будущем Доме пионеров. Не раскрывают тайн жизни, не изобретают новых методов технологии. Они настилают паркет. То есть они заняты тем видом работы, который был назван когда-то «человеческим» в противоположность другому — «высшему» виду работы, «единственному». Существовал такой Макс Штирнер, каковой противопоставлял «творцов» труженикам. Он считал первых «единственными», а вторых просто людьми, и ему здорово досталось за это от Маркса и Энгельса.

Не в том дело, что Рафаэль или Леонардо были «единственными», кто мог писать такие картины, как писали они, а в том, «что каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться», как пишут Маркс и Энгельс. Но для этого развития необходимо особое устройство общества, в котором творчество не подавляется материальными затруднениями, не зависит от условий спроса, то есть необходимо социалистическое, коммунистическое общество, в котором люди работают не по принуждению, а с любовью и радостью, с творческим огоньком.

Дмитрий Степанович Куховар и Валерий Павлович Большаков — строители. Они настилают паркет. Они делают это столь искусно, с таким вкусом и такой точностью, что слава о них идет по строительным коллективам. Они готовят залы, мастерские, лаборатории для пионеров, для следующего поколения, которое будет жить в коммунистической стране... Да ведь и они сами еще молоды, они тоже войдут в коммунизм. Может быть, именно эта мысль и делает их работу творчеством, поднимает ее до высот мастерства?

Как же назвать это фото? Мне кажется, было бы верно подписать под ним: «Художники труда».

V

Жизнь — величайшая драгоценность, которой владеет человек.

Вот перед нами битва за человеческую жизнь. Так и следовало бы назвать это фото.

Люди, которых вы видите вверху, как и фотограф с его аппаратом, отделены от того, что происходит под ними, толстым зеркальным стеклом. Там, внизу, все стерильно, даже самое дыхание фильтруется. Это потому, что там вскрывается святая святых человеческого организма — сердце.

Оно вскрыто, оно освобождено от крови, осушено. Оно под ножом хирурга.

В операционной только 20 человек. Но они и их приборы представляют всю культуру человечества — вершины современной науки и техники. Металлургия сюда доставила тончайшие сплавы для приборов, точность которых должна быть максимальной. Электроника предложила свои последние достижения в контрольных и измерительных механизмах. Автоматика обеспечила молниеносное и бесперебойное управление всем подсобным хозяйством, которое должно охранять наилучший режим во время операции, — начиная с кондиционирования воздуха и кончая снабжением кровью...

Каждую секунду терапевты, хирурги, физиологи, биохимики, анестезиологи могут получить все данные об условиях, нужных для сохранения жизни больного — будь то содержание кислорода в крови или картина биотоков мозга.

Телевизоры впитывают своими объективами каждое движение в операционном поле и передают его на экраны тем, кто учится, кто будет проводить эти операции в будущем, кому предстоит совершенствовать их.

Что может быть прекраснее того творческого напряжения, которым охвачены все эти люди, более человечно, чем то, что они творят?!

Девочка, чья-то девочка, чья-то любимая дочка спит под светом бестеневой лампы, пока рука науки поправляет ее сердчишко, которое природа сработала недостаточно точно. И когда мастер фотографии, автор этого снимка, позвонил на следующий день мастеру хирургии Владимиру Ивановичу Бураковскому, делавшему операцию, он услышал:

— Все обстоит хорошо.

Битва за человеческую жизнь окончилась победой.

VI

Эмиль Гилельс. Может быть, так и следует назвать это фото? Ведь все знают замечательного пианиста, слава о котором идет по планете!

Он ждет момента своего вступления в концерте. Лицо напряжено, сжаты руки. Сейчас эти необыкновенные пальцы упадут на клавиши, бросятся на них или чуть прикоснутся к ним — так, как того захочет творец, автор исполнения.

Кажется, в эти секунды к кончикам этих пальцев, к мозгу художника подступает и сосредоточивается в них вся сила, которая копилась долгие годы учения, совершенствования, постижения музыки. Вероятно, ни один из уроков Генриха Нейгауза, ни один из эпизодов большой жизни концертанта не возникают сейчас в сознании артиста, но все то, что получено от них, что создано гигантским, нечеловеческим трудом, который оттачивал и шлифовал это стихийное могучее дарование, все, что собиралось по каплям в размышлениях, наблюдениях, чувствах, в тысячах открытий во время работы над звуком, над фразой, над стилем игры, весь мир, впитанный в течение всей жизни и организованный в музыке, — сейчас, в эти секунды как одно прекрасное целое готовится выйти к людям с первыми тактами фортепьяно...

Вершинные, величественные мгновения! Итог и начало в первых движениях звука!..

О, если бы каждый человек еще в детстве имел предчувствие этих секунд, если бы каждый человек с первых шагов жизни знал, что значит счастье творчества! Он бы и не думал ни о чем ином!

Пусть же наступит скорее такое время для всех! Ускорим его начало!

ОТ РЕДАКЦИИ. *А как бы Вы, читатель, прокомментировали эти снимки? Какие раздумья вызывают они у Вас? Напишите нам.*

Вы

Л. ЛЕРОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Журналисту, впервые приехавшему в Венгрию, писать о ней довольно трудно. Так по крайней мере мне показалось. Уже столько книг, статей, очерков, репортажей написано об этой прекрасной стране наших друзей и единомышленников!

От бремени «творческих мук» я освободился совершенно неожиданно, вспомнив тех, кому должен лично передать московские приветы. Вот о них и расскажу: вы уже немного с ними знакомы и однажды, может быть, встречали их...

1. Память сердца



Москве меня попросили захватить с собой в Будапешт небольшую посылку: «Это от комитета советских женщин. Игрушки, сласти — детям Имре Мезё».

Имре Мезё! Лишь на какую-то долю секунды я напрягаю память, и она тут же переносит меня в осенний Будапешт 1956 года. Контрреволюционный мятеж. Тревожные дни и тревожные вести. В битве за правое дело погиб секретарь Будапештского горкома партии Имре Мезё. Мы узнали об этом из газет, и имя тогда еще незнакомого нам человека сразу же стало людям моей страны необычайно близким, родным.

...Ничем не примечательный домик на тихой улице древней Буды. Уютная квартира. Отсюда в хмурый октябрьский день пятьдесят шестого он уехал в горком, чтобы никогда уже не вернуться домой — к жене, детям. Над письменным столом висит его портрет в черной раме. А за столом сидит уже немолодая женщина. Может, большой жизненный опыт придал ее лицу столь спокойное, мудрое выражение. Это верная подруга-соратница Имре, прошедшая рядом с ним все испытания тяжелой жизни революционера-профессионала.

Вместе с посылкой я передаю хозяйке дома маленького целлулоидного Буратино и рассказываю историю этого скромного сувенира. В пограничном Чопе работник таможни Иван Ефимович Солонько, узнав, что я везу игрушки детям Мезё, присоединил к ним и свой дар. Мария Мезё берет в руки цветастого Буратино, смотрит на него, на меня, хочет что-то ска-

С ними знакомы

зать, а говорить ей трудно, волнуется...

— Такой подарок дороже всего. Вы не представляете, как это трогательно!

Нет, я хорошо представляю, ибо вижу, как заблестели увлажненные большие глаза Марии Мезё, и слышу ее дрожащий голос...

Пока маленький Мезё — Ласло — единолично (сестра Ева в больнице) хозяйничает на ковре, разбирая московские подарки, мать неторопливо ведет рассказ о своей жизни. Говорит она сбивчиво, как будто мучительно что-то ищет в закоулках памяти. Мы просим ее рассказать о себе, а она — об Имре, вернее, о главном в их совместной жизни — о борьбе.

— К революционной деятельности я приобщилась очень рано, когда мне было... да, три года. Вы не удивляйтесь, это действительно так. Мы жили в Уйпеште, рабочем районе столицы. Отец мой, слесарь, уже в молодости примкнул к левым социал-демократам. Мама сперва ворчала по этому поводу, а потом и сама пошла той же дорогой. Собираются родители на партийное собрание — и меня с собой берут: а с кем оставишь дома трехлетнего ребенка? Вот так и получилось, что стаж моей революционной деятельности исчисляется...

Запнулась было, а потом засмеялась.

— В Венгрии, да, вероятно, и не только в Венгрии, женщины не любят выдавать свой секрет — возраст. Но мой возраст, увы, уже перестал быть секретом...

Два года назад общественность отметила пятидесятилетие директора крупнейшей в Венгрии табачной фабрики Марии Мезё — более десяти лет директорствует она там. А по профессии она портниха. Первые ее слова еще неопытного пропагандиста были обращены к тем, кто обшивал и одевал будапештских модниц. В Уйпеште она слыла активисткой профсоюза. А в тридцатом стала коммунисткой. Тогда же в поисках работы уехала в Бельгию. Однако и там, увы, портних оказалось куда больше, чем богатых людей. Что же, Мария пошла работать прачкой, а потом — домашней прислугой.

— Но тогда у меня уже появилось одно главное в жизни дело — партийная работа. Я вела семинар, на котором мы читали советские газеты и журналы. Получали их из Венгрии, тайком. Тайком и читали. В тридцать втором, в Антверпене, я познакомилась с Имре. Он постарше меня. И партстаж у него больше — с двадцать восьмого. А по профессии он тоже портной.

Уже потеряна нить рассказа о себе. Мария говорит теперь только о нем, об Имре.

...Бедная крестьянская семья. Десять детей. Отец рано умер. Старших взяли в солдаты, и Имре остался за кормильца. Очень хотел учиться, а денег нет — надо работать, чтобы не умереть с голоду. Был и возчиком и продавцом газировки. Так и рос, проходя горьковские «университеты» без начального образования. Наконец появился просвет, и парня решили учить ремеслу. Какому? Пусть будет портным. А кто возьмет в обучение почти неграмотного Имре? Он сам долго искал себе учителя. И нашел. Обрадовался было, а потом понял: не для учения взял его к себе старик, промышлявший портняжным делом: стал он мальчиком на побегушках. Днем мыл полы, нянчил детей. Зато ночью учился читать и писать. Было у него еще одно ночное занятие: из тряпок, собранных в портняжной мастерской, шил шапки, а в воскресенье продавал их беднякам-крестьянам, чтобы на вырученные деньги купить букварь, карандаш, тетрадку. Остаток — матери и братьям.

Первый собственный его костюм был тот, который он сам себе сшил из дрянненького материала, полученного от хозяина: «Покажика, парень, чему ты научился?»

Профессиональный экзамен наконец-то был сдан. А что толку? Пытался найти работу в Будапеште, Дебрецене — безуспешно. Вернулся к хозяину, а тот сам без дела сидит: нет заказов. Старик подался в Бельгию: может, там на портных больший спрос. И Имре вслед за ним. Случилось так, что он сразу же оказался в кругу венгерских коммунистов. Было это в 1927-м, а через год уже вступил в партию, в ту самую партию, которая борется за таких, как Мезё.

— Партия, — вспоминает Мария, — была для него школой в буквальном смысле этого слова. Пожалуй, именно она и помогла ему стать грамотным во всех отношениях. В пору, когда мы познакомились, он, больной человек, до глубокой ночи просиживал над книгами. Тут были и политические и учебники по венгерской, немецкой литературе. Имре сам учился читать и писать на немецком и фламандском языках. Когда учился фламандскому и не находил нужных слов, то прибегал к помощи одного и того же — «динге» — «так сказать». Вот и родилась его партийная кличка — Динге...

Динге вскоре стал одним из активных деятелей компартии. Сегодня он проводит нелегальное собрание в легальном клубе «Ады», а завтра везет в Германию кипу толстенных книг—детективный роман. В одну из книг искусно вмонтирована отпечатанная на тонюсенькой бумаге ленинская брошюра. Это — дело рук коммуниста-переплетчика. Он на легальном положении, ему запрещено даже встречаться с коммунистами, и единственная ниточка, связывающая его с партией, — это Динге.

Так текла жизнь супругов Мезё, полная опасностей, лишений и тревог.

— Мы с трепетом встречали каждое утро, не зная, что принесет нам новый день, — тяжело вздыхает Мария. — Однажды Имре явился домой на рассвете. Где он был всю ночь? Я коммунистка, но ведь я и жена... Однако я не спросила его, где он провел ту ночь. Я не сомневалась: партия велела! Только позже он открыл мне тайну этой ночи.

В Москву на XVII съезд партии проездом через Антверпен направлялась группа коммунистов. Имре поручили повидать их и, если потребуется, оказать помощь. Приехал на вокзал, а там полиция. Но Динге перехитрил ее. Под покровом ночи он встретился с гостями. Встретил и проводил. Между прочим, среди них были и испанские товарищи. Прощаясь с ними, Имре и не подозревал, что скоро судьба сведет их у стен Мадрида...

— Это было в тридцать шестом. В те дни мы строили радужные планы: поедем домой, в Венгрию, отдохнем немного. Мезё только-только поднялся на ноги после тяжелой болезни. И вот все планы рушатся... В тот вечер Имре пришел домой весь какой-то взвинченный, глаза лихорадочно блестят. Влетел в комнату и остановился, чтобы дух перевести. «Что с тобой?» Он обнял меня и сказал: «Я еду в Испанию».

В таких случаях мы никогда не спрашивали друг друга: почему, зачем? Мы знали: партия велит. А тут я все же нарушила эту семейную традицию и спросила: «Зачем ты поедешь туда, Имре? Интернациональным бригадам нужны здоровые люди, физически крепкие бойцы, а ты...» Он еще раз обнял меня: «Не надо этих слов, Мария! Не надо. Партия велит — значит, там я не должен болеть, не имею права болеть».

Вы скажете, что это мистика. Но факт же... Он действительно не болел там, хотя все время был на передовой, в тяжелых боях. Вы, конечно, слышали про нашего Лукача. Мезё был в его бригаде.



Имре Мезё.

Два раза ранили. Долго лежал в госпитале. А я не могла ухаживать за ним, была на другом участке фронта...

И, вдруг спохватившись, Мария «возвращается» снова в Бельгию.

— Ах, да, я вам еще не говорила про то, как после отъезда Имре пошла учиться на медсестру. Вместе со мной и Лили Винце. Она сейчас в Париже, ее муж — наш посол во Франции. И Херман Ольга. Она в Министерстве здравоохранения работает. Вот так, втроем, мы и уехали в Испанию. Он был недалеко от Валенсии, наш госпиталь, куда прибыли сорок женщин из разных стран.

Мария с большим трудом заставила себя переносить острый за-

Семья Мезё в сборе. В который уж раз слушают они присланную из Москвы в подарок детям пластинку с записью голоса Юрия Гагарина.

Фото Тибора Фаркаша.



пах крови, гноя, перевязочной. Дело доходило до обмороков. Во время первой же операции, когда у тяжело раненного солдата начали извлекать пулю из легкого, у нее стали подкашиваться ноги. Ее вывели из операционной, и она страшно перепугалась: вдруг по непригодности ее отправят домой.

— Тогда я вспомнила Имре, как мы прощались и как он сказал: «Партия велит». И я нашла в себе силы... Вечером пришел большой транспорт с ранеными. И я круглые сутки простояла в операционной...

Партия велит! Это был девиз всей их трудной жизни. Отступая из Испании, они попадают во Францию: Имре — за колючую проволоку лагеря для интернированных, Мария — в маленькую деревушку. Но они не сдаются. Партия велит — значит, надо бороться — легально и нелегально. В Париже, на выставке, Мария встречает француза, лежавшего в ее госпитале. Теперь они действуют вместе. И вот уже удалось разыскать Имре, удалось вырвать его из лагеря, увезти в деревню, голодного, оборванного. Вместе пошли работать в поле. Денег хозяин не платит: «Скажите спасибо и за то, что кормлю вас». А тут новая беда: кто-то донес в полицию, что проживающий в деревне венгр Динге — коммунист, бежавший из лагеря. «Я не Динге, — отпирается Имре. — Я Мезё. Вот мой документ». И вдруг из Бельгии, от Винце, приходит открытка: «Дорогие Динге и Мария!» Пойманы, как говорится, с поличным. Что остается делать — бежать, скрываться. Знакомый образ жизни! У Марии тоже появляется кличка — Ева. Поэтому и дочь зовут Евой. Распространяют антифашистские листовки, устанавливают связи, явки...

Грянула война. Мезё взяли в армию и отправили в Сирию, и там с группой коммунистов он решает бежать и пробраться в Советский Союз. Уже все было продумано, подготовлено, когда их планы раскрыли. Одних — на каторжные работы, других — под надзор полиции. Мезё спасло тяжелое заболевание. Согласно закону, его отправили во Францию.

Они снова вместе, супруги Мезё, и снова в подполье. Сперва в провинции, потом в Париже. Имре должен устанавливать связи с иностранцами-коммунистами. А связной у него Мария...

На французской земле, уже очищенной от гитлеровцев, застала их радостная весть: Венгрия свободна! Не дожидаясь никаких легальных возможностей, Имре с помощью французских коммунистов перебирается через границу и пешком отправляется домой, в Венгрию, туда, где уже начиналось строительство новой жизни, той самой новой жизни, о которой он столько лет мечтал, во имя которой проливал кровь под Мадридом, боролся в подполье Антверпена и Парижа...

Вернувшись в Будапешт, Имре Мезё работал в горкоме партии пропагандистом, инструктором, заведовал отделом, а потом...

Мария обрывает рассказ и долго молчит, погруженная в тяжелые раздумья. Молчит и курит. Молчит и сосредоточенно смотрит на большой портрет в черной раме. А выражение лица говорит о напряженной работе мысли. Это замкнувшаяся в себе боль — без слез.

— Есть просто память, и есть память сердца. Это крепче, хотя и больнее. Что делать! Сердцу не прикажешь. Мне тяжело рассказывать об этих днях его жизни. До последнего вздоха он оставался солдатом партии. Она всегда была для него его совестью. И предсмертные его слова были обращены к ней, к партии...

Мария говорит об этих днях так тихо, что уже трудно уследить за ее речью. И голос ее слегка дрожит.

— Он несколько суток неотлучно находился в горкоме. А я — на фабрике. Ева по телефону плачет: «Ты только обещаешь приехать домой. И папа тоже...» Вечером я позвонила в горком — может, завтра вместе поедем к детям. Меня спросили: «У вас не очень срочное дело? Товарищ Мезё спит». Позже я узнала, что Имре лежал больной — сердце. Утром мы все же созвонились: тридцатого он заедет за мной, и мы навестим детей. Но тридцатого я не смогла: на фабрике подняли голову мятежники. Звоню в горком, хочу предупредить Имре, чтобы не приезжал ко мне: я не могу покинуть фабрику, идет бой... В горкоме никто не ответил. Звоню еще раз — кто-то снял трубку, но голоса не слышно. Зато хорошо слышен говор пулемета. Звоню в ЦК. Отвечают коротко: «Мезё сражается». На мотоцикле примчалась домой. И вдруг звонок из больницы: «К нам привезли Мезё». Когда я прибежала туда, ему уже сделали операцию и он лежал в забытьи: тяжелое ранение. Увидел меня — очнулся, обрадовался. «Будь осторожна... И Кадару передай, чтобы остерегался. Ищут его...» Они дружили — Имре Мезё и Янош Кадар. Я из больницы позвонила Кадару. Он тогда не смог приехать: обстановка была очень сложная. Приехала его жена, Мария. Но ничто уже не могло спасти Имре...

Последние слова она произносит почти шепотом, будто боится разбудить Ласло, давно уснувшего в соседней комнате.

Ласло, Ева... Дети Имре Мезё, наследники его дела! Мария рассказывает, как горячо любил их отец.

— Мы поздно стали родителями. К нам поздно пришла эта радость. Жизнь наша сложилась так, что мы не имели права иметь детей. И только после возвращения в освобожденную Венгрию, когда началась спокойная жизнь... Теперь надо их поднимать. А мне уже за пятьдесят. Но я не унываю. Нас не забывают, нам помогают. И товарищ Кадар навещает нас...

В тот вечер мы допоздна беседовали с Марией Мезё. Разговор уже перешел на дела сегодняшние, завтрашние. Она рассказывает о своей фабрике, выпускающей ежегодно 5 миллиардов папирос и сигарет, о новых машинах, появившихся в цехах, о фабричных яслях и столовой для работниц, о новых жилых кварталах Будапешта, и тут, кстати, вспоминаются цифры недавно утвержденной пятилетки — большие планы у строителей венгерской столицы.

— Не надо бередить старую рану. Нужно смотреть вперед, туда, куда идет наша жизнь. Так я учу детей...

* * *

Уж скоро полночь. Машина легко катит с безлюдных холмов Буды к серебряной ленте Дуная, к озаренному тысячами огней и, кажется, никогда не утихающему Пешту. Где-то там, в центре, пролегла улица, носящая имя Имре Мезё; где-то там, на окраине, новые жилые кварталы старого Уйпешта, где начинала революционную деятельность Мария Мезё; где-то там, на Чепеле, и сейчас, ночью, несут трудовую вахту люди, строящие социализм. Новая жизнь Венгрии идет твердым шагом!

...Я забегаю вперед, в последний день своего путешествия по стране. В канун отъезда из Будапешта я получил от Марии Мезё записку с просьбой передать прилагаемое при сем благодарственное письмо работнику таможни пограничного Чопа Ивану Ефимовичу Солонько. Я выполнил эту просьбу и с разрешения отправителя хочу обнародовать несколько строк.

«Дорогой мой незнакомый товарищ! Я даже не знаю, как вас поблагодарить за этот красивый маленький подарок... Вы, человек, которого я никогда не видела, послали подарок детям Имре Мезё. Великолепно это чувство, которое живет в советских людях, в коммунистах... И в самом трудном положении человеку дает великую силу сознание того, что он не один, что его друзья и товарищи, даже незнакомые, и из далекого Советского Союза думают о нем и заботятся о его семье. За эту любовь я могу только обещать, что, пока у меня есть силы, я буду продолжать то дело, за которое мой муж и много его товарищей отдали жизнь».



2. Земля Ангела

Передавать московские приветы хозяевам этого дома было, пожалуй, бессмысленно: они сами не очень-то давно вернулись из СССР и все еще продолжали рассказывать соседям о Красной площади, Невском проспекте, а главное, о встрече с «сынками». Вещественные свидетельства этой встречи примечаешь сразу, как только окинешь взглядом комнату небольшой квартиры в новом доме: сувениры, грамоты... И еще одно свидетельство — мы застали супругов Сабо у экрана телевизора внимательно слушающими урок русского языка. Говорят, что это занятие твердо вошло в их распорядок дня лишь после возвращения в Будапешт из Москвы...

Лайош Сабо спешит предупредить нас:

— Если вы хотите не только услышать всю эту историю, но и увидеть, посмотреть места, где все это происходило, то нам нужно отправиться на другой край города, туда, где мы жили. Эту квартиру нам дали недавно...

Он хочет что-то еще сказать, но в разговор решительно вмешивается его жена и столь же решительно объявляет нам:

— Вы никуда не поедете, пока не выпьем кофе. — И удаляется на кухню, оставив нас в обществе не очень словоохотливого мужа.

Так нам, по крайней мере, показалось. И пока хозяйка священнодействует над кофеваркой — непременным атрибутом венгерского быта, мы пытаемся, что называется, разговорить хозяина. Поначалу это нам не очень удается: он говорит не спеша, тихо, едва слышно, и почему-то все время сосредоточенно смотрит на стол. Но постепенно голос его становится громче, и на наших глазах весь он как-то преображается, весь он теперь гнев и радость, любовь и волнение... А как же иначе, да можно ли говорить бесстрастно о всем, что случилось в пору воен-

ного лихолетья на тихой улице Утэг, XIII рабочего района Будапешта!

...В осенние дни 1944 года над венгерской землей были сбиты четыре советских самолета. Тяжело раненные летчики, Владимир Солошенко, Назиб Султанов, Иван Коваленко, Петр Малышев, доселе незнакомые друг другу авиаторы, они оказались теперь вместе под строгой охраной закрытого отделения Будапештского военного госпиталя. По существу, это был филиал тюрьмы. Когда обитатели ее почувствовали, что уже могут самостоятельно двигаться, они стали строить планы побега — один другого смелее, заманчивее, но, увы, неосуществимые без посторонней помощи. Тогда-то и появился в палате солдат из госпитальной регистратуры. Он ласково поздоровался, улыбнулся, протянул пачку сигарет — «Курите!» — и перекинулся ничего не значащими фразами с Назибом Султановым— тот немного знал немецкий язык.

Странный этот визит повторился на следующий день и еще через день. Летчики терялись в догадках: что бы это значило, как он проник сюда, в палату к ним, пленным, находящимся под особой охраной?

— В ту палату действительно никого из посторонних не пускали. Но я не считал себя тогда посторонним, я уже был коммунистом!

Он сказал это резко, твердо. И вопрошающе взглянул на нас, словно спрашивая: «Надеюсь, вы понимаете, в каком смысле «посторонний»?»

— Вы давно вступили в партию?

— В сорок четвертом. Это была пора самого разгула фашизма. Каждый из нас знал только еще одного своего единомышленника: строжайшая конспирация! Я не мог не вступить в партию коммунистов. Мой отец мальчиком начал работать на фабрике, и мне тоже было только десять лет, когда я пошел на кирпичный завод. Два брата моей жены стали коммунистами еще в девятнадцатом году, и, когда в доме ее отца проходили нелегальные собрания, она дежурила у подъезда...

Коммунист Лайош Сабо, узнав, что в госпиталь привезли советских летчиков, тут же решил связаться с ними. Но как? К ним пускали только солдат охраны. И вот счастливая случайность: среди этих солдат оказался соратник Лайоша по давним сражениям на футбольных полях.

— Вы можете, конечно, считать меня мелким хвастунишкой,—улыбается Лайош Сабо,— но говорят, что я был неплохим инсайдом, а солдат, стоявший у входа в палату летчиков, когда-то был голкипером в воротах нашей команды...

Они встретились в Москве семнадцать лет спустя, венгерские патриоты и спасенные ими советские летчики: Янош Клейн, Назиб Султанов, Сабо Лайошне, Владимир Солошенко, Сабо Лайош, Арпад Клейн, Иван Коваленко, Петр Малышев.

Фото М. Савина.

В общем, я проник в это строжайше охраняемое отделение, и летчики быстро догадались, с кем они имеют дело. Я незаметно приносил им хлеб, сигареты, бинты и сам перевязывал их раны. А шестого ноября моя жена где-то раздобыла немного вина, колбасы, испекла пирожков, и не без помощи бывшего голкипера я притащил все это к летчикам, чтобы вместе с ними отметить праздник Октября...

Но гроза надвигалась неотвратимо. Госпиталь должны были эвакуировать: линия фронта проходила совсем близко от столицы. И Лайош Сабо пошел упрашивать коменданта оставить его в Будапеште. Комендант сперва высмеял солдата, потом пригрозил ему, и тот уже собрался уходить, когда вдруг услышал разговор немецких офицеров. Из разговора явствовало, что при эвакуации госпиталя с русскими летчиками возиться не станут — к стенке их!

Медлить было нельзя. Оставался один выход — побег! Вместе с ними и он должен бежать. В буханке хлеба Лайош Сабо передал авиаторам напильник. И пошла работа... Пока они пилили решетку в туалетной комнате, Сабо притащил им одежду, ботинки...

23 ноября четырех советских летчиков должны были расстрелять, а 21 ноября вечером они бежали из госпиталя: подпиленная решетка рухнула мгновенно, а к высокой стене уже была приставлена лестница, с утра запрятанная солдатом Сабо в кустах. Он ждал их на затемненной, опустевшей к вечеру улице, чтобы через калитку, задними дворами, хорошо изученным маршрутом, незаметно и быстро провести в свой дом. Еще одна счастливая случайность — дом находился поблизости...

Шли дни за днями, полные тревог и надежд. Летчиков приняли под свою опеку, как родных детей, супруги Сабо и их сосед по дому, дезертировавший из фашистской армии солдат Янош Клейн и сын его Арпад. Но больше всех, пожалуй, досталось «мамаше Сабо» — так звали ее авиаторы.

— Жена моя показала себя настоящей героиней. Думаете, это легко было—менять вещи на хлеб? Нам давали только сто граммов на день. А на ее попечении уже было не четыре, а пять человек: я ведь тоже скрывался. А тут еще беда... — Он лукаво улыбнулся: — Эх, женщины, женщины!

Появилось еще одно, вовсе не предвиденное осложнение. О том, что в развалинах соседнего дома скрывались бежавшие из госпиталя советские летчики, жене Яноша Клейна не рассказали. Побоялись: вдруг смалодушничает. И теперь расплачивались. Клейн каждый день должен был приходить к жене Лайоша и забирать еду для летчиков. Вот пойди и докажи ревнивой супруге, что здесь не до романов, что тут жизнь на волоске висит. А она свое твердит и Яноша грызет: «Что ты к Сабо Лайошне зачастил?»

— Конечно, сейчас рассказывать об этом немного даже смешно. А тогда было не до смеха. Все получилось совсем не так, как планировали. Думали, что прятаться придется не дольше трехчетырех дней: русские совсем близко стояли... Мы не рассчитывали, что гитлеровцы так долго в Будапеште удержатся... Пятьдесят три дня укрывали мы своих «сынков» от фашистов. А от бомб прятаться труднее было. Бомбы, они ведь падают и на тех, кому вовсе не предназначены... Всякое бывало в те страшные дни. Второго января три бомбы попали в наш квартал, одна за другой. Меня соседи с трудом откопали. Отряхнул землю и бегу к летчикам: живы ли? Клейн увидел меня и чуть не плачет: «Султанова убило!» А навстречу нам Малышев — кричит что-то непонятное, руками размахивает, глаза чуть ли не на лоб лезут. Мы сразу поняли: контужен. А кругом гитлеровцы шныряют и наши салашисты. Увидят русского — и тогда капут. Я его схватил и силой потащил в подвал. Стали искать Султанова. Нашли, откопали — руками землю разгребали. Лежит без сознания, но еще жив. А я ведь какникак к медицине был приобщен. Десять минут искусственного дыхания — и вот уже мой Назиб первые признаки жизни подал... Теперь новая забота. Куда девать летчиков? Кругом все разворочено, бомба свое дело сделала. Спрятали мы их в какой-то закуток, обложили кирпичами, и получилось нечто вроде бункера. Но его хватило только на день. К утру все обвалилось: рядом с убежищем была немецкая батарея, и русские довольно точно накрывали ее минометами. Так что с утра снова откапывали летчиков и снова искали для них убежище... Вот так и жили пятьдесят три дня.

...Был уже поздний вечер, когда мы вместе с супругами Сабо отправились на другой конец города, в XIII район, на улицу Утэг. Восстановленный, поднятый из руин дом номер три. Цветут цветы во дворе, и, словно ромашки на поле, мельтешат огни в окнах. Кто-то с балкона заприметил Сабо, и сразу стало шумно во дворе.

— Сервус, Лайош! Привет соседу! Давно ты не заглядывал к нам...

Несколько человек вышли во двор. Даже не зная языка, легко было догадаться, как любят и уважают здесь, в рабочем районе Будапешта, старика Сабо. Супруги—уже в плотном людском кольце. Вопросы сыплются один за другим. Хотят знать, как там, в Москве, семнадцать лет спустя встретились с «сынками», что поделывают сейчас летчики? И Лайош Сабо в который уже раз рассказывает...

Тогда в Москву из Полтавы приехал бригадир бригады коммунистического труда Владимир Солошенко, из Башкирии — ветеринарный врач Назиб Султанов, из Луцка — пенсионер Иван Коваленко, из Липецка — электрик сахарного завода Петр Малышев. Были и слезы радости, и сердечные разговоры «про жизнь», и подарки, и приемы, были задушевные речи и трогательные проводы.

...Мы прощаемся с жителями дома № 3 и идем дальше, на соседнюю улицу Хайду, туда, где и сейчас находится госпиталь, из которого когда-то бежали летчики. Лайош Сабо показывает нам место, где прятал лестницу, и вспоминает:

— Когда ваш посол в Венгрии поздравлял нас по случаю награждения советскими орденами, он спросил меня: «Скажите честно, вы очень боялись?» И я, не задумываясь, ответил ему: «Очень, очень боялся, товарищ посол. Но поверьте, что, когда я в сорок четвертом вступал в партию, тогда тоже было чего бояться...»

Мы шли по уже почти безлюдным в этот поздний час узким улицам притихшего XIII района Будапешта. Здесь рано затихает жизнь: завтра в шесть заступать в смену. Пора и супругам Сабо домой. Правда, Лайош работает уже не на заводе, а в горсовете, но по давней привычке встает очень рано. Прощаясь, он вдруг вспомнил, что район этот называют Андял Фельд — Земля Ангела.

— Красивое название,— заметил Сабо.

А я думал в этот момент не о красоте, а о глубокой символике: Земля Ангела!

Фото Я. РЮМКИНА.

Один английский критик, подводя итоги гастролей нашего цирка в Лондоне, писал: «Достижения русских на арене поистине фантастичны. Я бы не удивился, если б узнал, что советский цирк наряду с балетом и оперой имеет специальные учебные заведения, где профессора готовят жонглеров, клоунов, акробатов, наездников, дрессировщиков...»

Вы правы, уважаемый критик. В Москве действительно не первый год существует Государственное училище циркового искусства.

С утра и до позднего вечера царит здесь деловое и в то же время приподнятое настроение. Ученики первых классов в свободные от занятий минуты с завистью наблюдают за тем, как выпускники отшлифовывают свои номера, а «без пяти минут артистам» уже чудятся огни настоящей, а не учебной арены.

За семь лет занятий — с четвертого по десятый класс — здесь изучают, кроме программы обычной средней школы, множество специальных дисциплин. Литература мирно уживается с акробатикой, география — с танцами, история — с эквилибристикой.

Зайдите на урок иностранного языка или физиологии — вы увидите привычный класс с партами, аккуратных мальчиков и девочек в школьной форме. Но зачастую здесь в порядке вещей то, что в обычной школе повлекло бы за собой дисциплинарное взыскание. Во время перемены нам довелось, например, услышать такой сокрушенный разговор:

— Васильеву опять снизили оценку: плохо стоит на голове!..

Будущая воздушная гимнастка, стройная девочка в черном тренировочном костюме, перед тем как взобраться под купол учебного цирка, говорит:

— Хочу в воздухе чувствовать себя невесомой.

Над десятками номеров работают ученики старших классов. Их радости и огорчения разделяют педагоги — маститые артисты цирка, режиссеры, балетмейстеры, художники.

— Трудно в учебе — легко в выступлении, — этот перефразированный суворовский афоризм очень популярен среди учащихся.

Оба манежа учебного цирка с утра до ночи заняты. Каждый свободный час, каждый метр пространства ребята используют для тренировок и репетиций.

Просто удивительно, как эти мальчики и девочки, юноши и девушки успевают выкроить время для посещения театров, кино, библиотеки, занятий в различных кружках! А они успевают.

— Ведь такого училища нет нигде в мире! — с нескрываемой гордостью произносят будущие артисты. — Значит, и мы единственные в мире! Как же тут не стараться!..

Борис ПРИВАЛОВ

ЕДИН

← К вершинам циркового мастерства иногда ведут и такие лестницы.

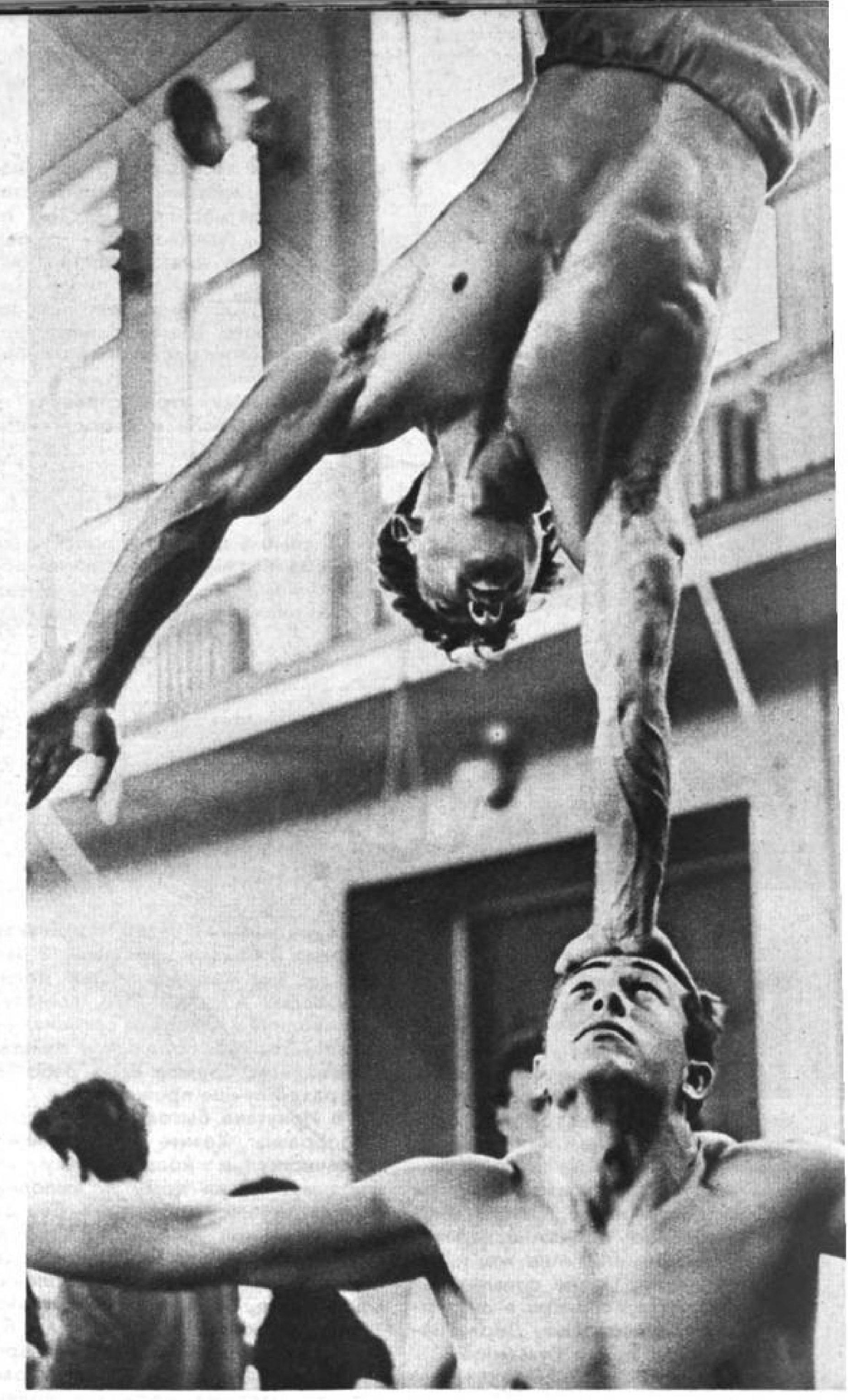
Одна минута из жизни







Будущие клоуны готовят музыкальный номер. Ведет занятия педагог С. Каштелян.

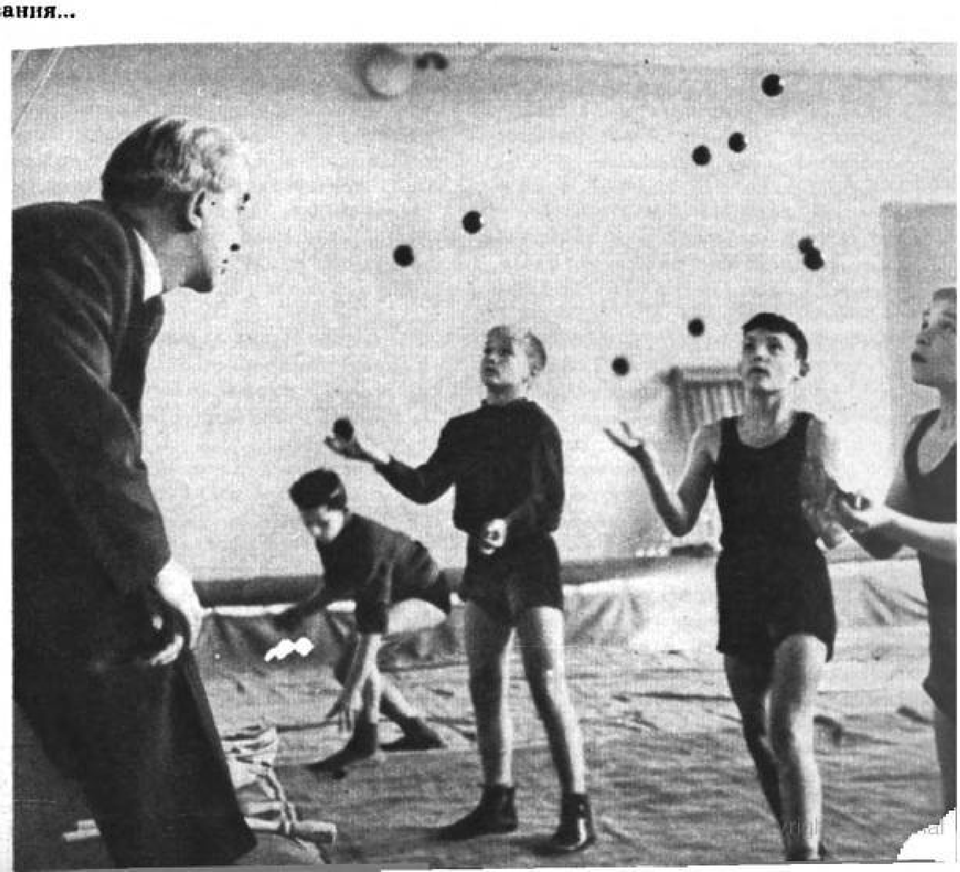


Такие «домашние задания» дома и не приготовишь!

СТВЕННЫЕ

училища. На манежах и в классах идут уроки акробатики, географии, жонглирования...







Это очень важно!

ИЗНАНКА

«Подкидыш»

Хорошо известно: язык до Киева доведет. Но в Иркутске иначе: не всякого язык приведет даже на Киевскую улицу, где в крохотной каморке ютится единственное в городе справочное бюро. О нем нет никакого упоминания ни на железнодорожном вокзале, ни в аэропорту, ни на пристани — нигде. Оттого многие, особенно приезжие, тратят зря уйму времени. Мне же, казалось, повезло. После сравнительно недолгих расспросов я очутился у заветного окошка. Держа наготове пятак, подал бумажку:

— Адрес бы этого человека...

И мгновенно получил неожиданную бесплатную справку:

— Справок об адресах жителей не даем.

— ?

— Придется вам сходить в милицию, она в нескольких кварталах от нас. Там за плату узнаете адрес, потом вернетесь к нам, и мы охотно подскажем, как вам проехать.

В пояснение странного порядка дали мне вторую бесплатную справку. Милицию, увлекшуюся «адресной коммерцией», упрашивали посчитаться с удобствами населения. А милиция ни в какую, будто нет для нее ничего интереснее погони за медяками.

Обогатился я и третьей поразительной справкой. У справочного бюро нет настоящего хозяина. Из ведомства связи оно некогда перешло в облкомхоз. Тот норовил избавиться от своего детища с Киевской улицы, хотя оно и нехлопотное, прибыльное. Его пытались подкинуть и тресту благоустройства, и трамвайному парку, и — поверьте! — даже похоронному бюро. Наконец комхозовцев осенило: справочное бюро подкинули гостинице «Центральной»...

Возможно, кое-кто удивится: стоило ли подаваться в дальнюю даль, чтобы увидеть будни чудесного края с изнанки и, ни словом не обмолвившись о великих свершениях, о замечательных подвигах строителей, выложить нелепый, почти анекдотический эпизод.

Стоило, стоило! Отнюдь не все равно, как живется людям в этом краю, как заботятся об их повседневных нуждах, первостепенных и третьестепенных. Тем паче теперь, когда всюду столько уже сделано для улучшения быта советских людей, а новая Программа КПСС открывает перспективу полного, всестороннего удовлетворения их растущих потребностей.

Вот почему «три справки» насторожили: если и в простейшем намудрили, то...

Свет и тени

В самом центре Иркутска, между зданиями обкома партии, облисполкома и совнархоза, лежала обширная площадь. Площади той нет, ее заменил сквер, богатый зеленью и в меру нарядный. С весны и до морозов аллеи полны взрослых и детей. Это, пожалуй, символично. Местные организации стали ближе к подлинным нуждам населения. Служба быта работает гораздо лучше прежнего.

В Иркутске бытовые услуги разнообразны. Хотите отдать вещи в химчистку и крашение — у вас возьмут их на дому и, выполнив заказ, принесут обратно — без дополнительной оплаты. В городе есть старые дома, лишенные водопровода, центрального отопления. Если надо, обратитесь в комбинат бытового обслуживания — вам будут регулярно возить воду, а дрова не только доставят, но и распилят, наколют, уложат в поленницы. Приятно, что, не зарясь на крупную прибыль, подумали об одиноких стариках, о больных да и просто об очень занятых людях.

Заметны улучшения и в других городах области. В Ангарске вы вдруг попадете в необычную — «учебно-производственную» — столовую, опрятное царство вкусных блюд. Усолье обогатилось новой гостиницей. В Черемхове, уважив просьбу шахтеров, наладили ремонт их собственных автомашин...

В Программе КПСС говорится, что для мобилизации внутренних резервов, более эффективного использования капитальных вложений, производственных фондов и финансовых средств необходимо расширять оперативную самостоятельность и инициативу предприятий.

Это в равной мере относится и к предприятиям службы быта. Но именно инертность и неумение проявлять оперативную самостоятельность мешают предприятиям службы быта.

Совершим экскурсию по Тайшету. Это город «роковых дробей»: $1/3$ и $2/3$. Предприятия службы быта сгрудились на главной улице, а за линией железной дороги, где живет треть населения, их нет. Остальным двум третям тоже нечего завидовать. Починить утюг или чайник, велосипед или шкаф и то хлопотно. Бывает, часа два стоят в очереди, чтобы попасть в баню: она действует на две трети своей пропускной способности. Треть автобусного парка, как правило, в ремонте. Недавно в распутицу два маршрута закрыли, а кое-где их никогда и не открывали, хотя они очень нужны — например, близ мясокомбината, кирпичного завода, нефтебазы. К десяти часам вечера автобусное движение полностью замирает.

Черемхово. Ни дать ни взять второй Тайшет, если опустить несколько деталей. Словно сняли две копии с одного негодного образца.

Заглянем на фабрику, которая шьет и ремонтирует обувь. В цехах не хватает колодок. А имеющиеся — допотопные. До того доходит, что одной и той же парой устаревших колодок пользуются для изготовления туфель разных фасонов и размеров. Фабрика нередко получает плохую кожу. Ботинки еще только шьют, а краска с хрома уже осыпается. Под стать и подошва. Не успеют ее прикрепить, как она раздваивается: лицевая часть отстает от нижней. Поставщики находятся поблизости, в Иркутской области, и повлиять на них нетрудно. Но дирекция предпочитает никого всерьез не тревожить. И сама не очень тревожится, выпуская свыше трети продукции третьим, четвертым и еще бог знает каким низким сортом.

Вернемся в Иркутск. В механической мастерской на улице Чехова я услышал нечто смахивающее на афоризм:

— Легче переплыть Ангару, чем отремонтировать «Ангару».

«Ангара» — иркутская стиральная машина. У многих она превратилась в бесполезное и нервирующее украшение кухни или чулана: запасных частей давно нет в мастерских фабрики по ремонту



бытовой техники. Между тем этого не случилось бы, прояви дирекция ремонтной фабрики немного инициативы и настойчивости. Ведь до городских и областных организаций рукой подать, а при их содействии, несомненно, удалось бы вовремя отменить неправильный приказ совнархоза — это по его вине завод стиральных машин стал вдруг срывать поставку деталей к «Ангаре».

Удлинять перечень оплошностей нет смысла. Гораздо важнее разобраться, откуда они берутся.

Барьеры

В Программе КПСС записано, что следует и впредь повышать роль и ответственность местных органов в управлении хозяйством. Подразумеваются, естественно, и отрасли хозяйства, непосредственно обслуживающие быт населения. Но в руководстве этими отраслями иркутские областные организации еще далеки от высот.

Свое управление бытового обслуживания облисполком держит на почтительном расстоянии от себя — за рынком, на отшибе. И неспроста. Не искоренена стародавняя повадка: прикрываясь делами общесоюзного масштаба, отодвигать все сугубо местное подальше, оставлять его «за рынком, на отшибе». Оттого на путях к высотам возникают искусственные барьеры.

Наступление на недостатки не подчинено тщательно разработанной тактике. Силы и средства распыляются, потому и нет поныне ни одного вида бытовых услуг, о котором можно было бы сказать: это улажено! На годы и годы растягивается удовлетворение самых элементарных запросов человека, которые серьезной проблемы вовсе и не представляют.

И вот как это выглядит в жизни.

Навестил я знакомую семью. Сынишка хозяев дома кружился возле нас, взрослых, с игрушечной моделью «ТУ-104» в руках и непрестанно повторял: «Ту-ту на Москву». Его отец невзначай заметил: если малышу суждено стать авиатором, то он, наверно, будет совершать рейс Иркутск — Москва минут за двадцать. Хозяйка дома вдруг усмехнулась:

— Тогда я хоть раз в месяц «ту-ту на Москву», к хорошему парикмахеру.

Шутка была началом грустной повести о том, как трудно дается иркутянке модная прическа, завивка волос. На это жаловались потом многие: квалифицированные женские парикмахеры наперечет. Не балуют вниманием и мужчин. Всюду очереди. В иных парикмахерских, не подозревая, что уже изобретены баки и «титаны», воду греют в кастрюле на электроплитке. Если клиенту после стрижки моют голову, вся очередь готова задать ему головомойку: ведь из-за него, такого-сякого, придется ждать, пока кастрюля опять закипит... Новые парикмахерские тоже наперечет. На площади Декабристов построили жилой массив. Но парикмахерской нет ни в одном корпусе.

В других городах и того хуже. В Тулуне и Слюдянке, например, женщины еще только мечтают о прическах, которые в центральных областях страны успели выйти из моды. Маникюр сделать негде. Кое-где стригут и бреют под «шумовое оформление»: воду кипятят на примусах.

* * *

Перед отъездом из Иркутска я позвонил в управление внутренних дел облисполкома. Там с полуслова уловили, что милицейский работник, придумавший «адресную коммерцию», допустил ошибку. Ошибку немедленно исправили. Областное управление бытового обслуживания — тоже без промедления — согласилось взять «подкидыша» в свое хозяйство и открыть в городе еще несколько справочных бюро. Все уладилось буквально в пять минут, и ничьей заслуги в этом нет: дело-то пустяковое!

Думается, если провести «инвентаризацию оплошностей», от них нетрудно избавиться. От одних — в пять минут, от других — в пять дней, пусть месяцев. Важно избавиться.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

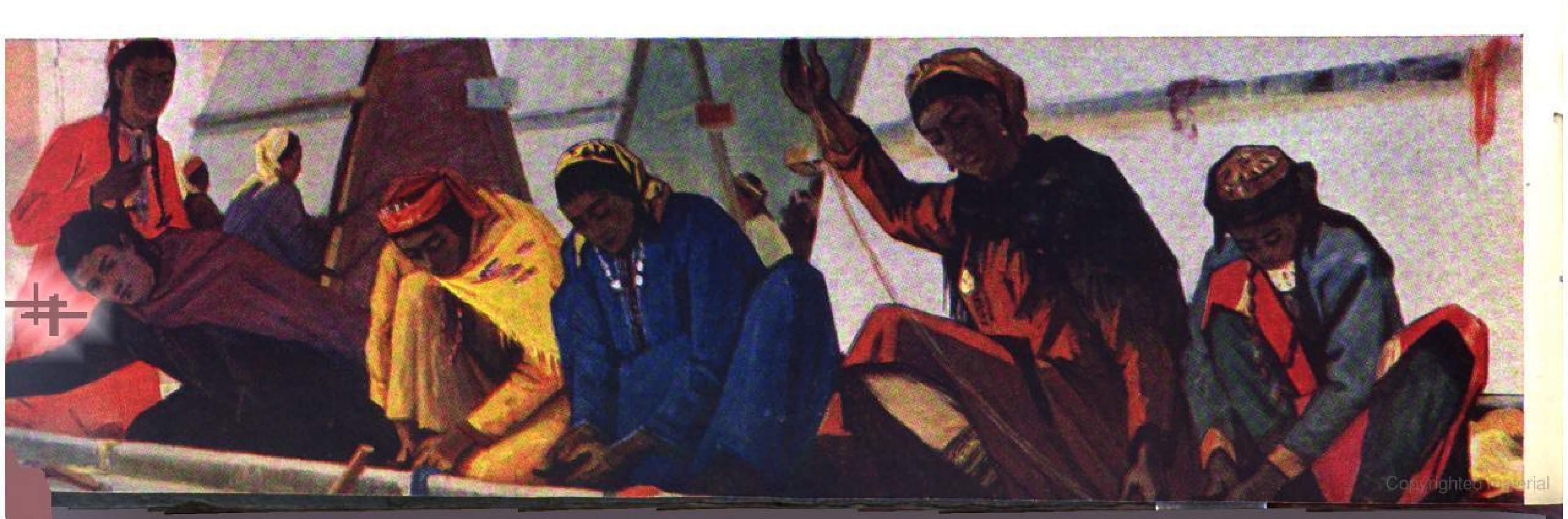


Н. Абдурахманов (Баку). СТРОИТЕЛЬСТВО АЛИ-БАЙРАМЛИНСКОЙ ГРЭС.

Г. Азгур (Минск). ВЕЧЕРЕЕТ.

В. Алексеев (Душанбе). ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ.

А. Амангельдыев (Ашхабад). КОВРОВЩИЦЫ.



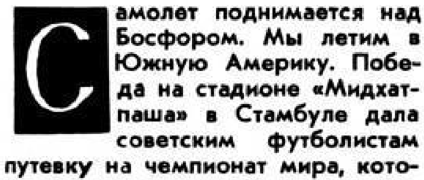
Разведка боем

М. МЕРЖАНОВ

Заметки журналиста



Футбольный плакат к первенству мира, выпущенный в Чили.



Самолет поднимается над Босфором. Мы летим в Южную Америку. Победа на стадионе «Мидхат-паша» в Стамбуле дала советским футболистам путевку на чемпионат мира, который состоится в Чили в июне 1962 года, сейчас же нам предстоит разведка боем.

Я вглядываюсь в лица игроков нашей сборной команды и невольно вспоминаю прошлый чемпионат мира в Гетеборге и Стокгольме. Кто же тогда выступал в Швеции? Лев Яшин, Валентин Иванов и одну игру — Игорь Нетто. Только-то и всего! Да, наша сборная почти полностью обновлена. В ее нынешнем составе молодежь еще недостаточно опытная и малообстрелянная. Здесь студент Тбилисского университета Михаил Месхи, дипломант Московского авиационного института Геннадий Гусаров, только что окончивший Ростовский-на-Дону педагогический институт Виктор Понедельник, студенты Николай Маношин, Валерий Воронин, Гиви Чохели.

Да, всем им очень полезно испытать свои силы в Аргентине, Чили и Уругвае. Ведь их ждут там не просто товарищеские игры, но встречи на высшем уровне национальных команд!

Здесь стоит сделать небольшой экскурс в историю.

С тех пор как самолеты сблизили континенты, на европейской земле все чаще стали появляться южноамериканские футболисты, а за Атлантикой — европейские. Встречи эти проходили на уровне клубов и не могли дать представления об истинном соотношении сил. Но были и официальные матчи на чемпионатах мира. Каков же их итог? Дважды первенство выигрывали уругвайцы, дважды итальянцы, пятый чемпионат в Швейцарии завершился победой команды ФРГ, а шестой принес успех бразильскому футболу.

Вот почему в Латинской Америке укрепилось мнение, что южноамериканский футбол господствует на земном шаре. А тут еще ни одна национальная европейская команда за последние десять лет не смогла похвастать успехами на полях Бразилии, Аргентины и Уругвая.

...Южная Америка встретила нас зноем и пальмами. В Рио-де-Жанейро мы спасались в здании аэропорта, где установлены конденсаторы холодного воздуха, а в Буэнос-Айресе еще стояла весна. В городе цвели платаны, хакарада, напомнившая нам сирень. Большой парк «Палермо» был укрaшен яркой, по-весеннему свежей зеленью. Но футболисты нашей команды не успели как следует осмотреть город. Оставалось всего два дня до матча, и нужно было отдохнуть после тяжелого пути. А тут еще на нас обрушилась атака прессы...

О матче сборных команд Аргентины и СССР написано много. Описание атак и контратак, забитых и пропущенных мячей, фамилии героев и неудачников тут же летели по радиоканалам по всей Америке и за океан. Повторяться нет надобности, но хочется сказать, что физическая стойкость наших ребят в ноябре, после напряженного сезона, не уступала южноамериканской. К тому же рациональная техника и тонкое тактическое мышление были тем языком, который наши футболисты противопоставили изысканной техничности аргентинцев.

Никогда раньше так убедительно не было доказано, что виртуозное владение мячом — обязательная, но не единственная добродетель футбола. Сборная команда СССР победила со счетом 2 : 1.

Звезды аргентинского футбола произвели на нас странное впечатление. Они очень развязно вели себя на поле, спорили с судьями и между собой, а если уж забивали гол, то кричали, танцевали и поднимали руки к небу. Мне показалось, что скромность нисколько бы им не повредила.

После нашей красивой победы жители Буэнос-Айреса на всем пути автобуса от стадиона до гостиницы «Клеридж» аплодировали красным футболкам, кричали добрые слова привета, шумели и радовались за нас. А утром в газетах появилась оценка наших игроков. За Месхи и Метревели предлагали по нескольку десятков миллионов песо, а относительно нашего вратаря было написано: «Яшин — без цены».

Первая разведка прошла удачно. Она укрепила уверенность у наших футболистов и внесла растерянность в стан соперников. Тренер сборной В. Спинетто подал в отставку, за ним ушли и остальные тренеры. Большой зал заседаний федерации футбола Аргентины, где на возвышении восседал президиум, а в кожаных креслах — деятели футбольного «бизнеса», был охвачен тревогой. Обсуждался вопрос: как жить дальше после такого небывалого провала?..

В этот час мы улетали через Кордильеры в Сант-Яго.

Судя по прессе да и по разговорам с чилийскими руководителями футбола, первое, что поразило всех, когда сборная СССР прибыла в Сант-Яго,— это спокойствие футболистов. Газеты писали: «Победа не сделала их возбужденными. Как только они попали на чилийскую землю, они со скоростью своих крайних нападающих направились в отель «Каррера» и вывесили на дверях записки: «Не мешать, отдыхаем!»

...Чилийский матч не был похож на аргентинский. Ни по красоте, ни по содержанию. Мы выступили там без Л. Яшина, И. Нетто, Г. Гусарова и во второй половине матча без В. Иванова. И хотя заменившие их футболисты провели встречу хорошо, все же в общем футбольном механизме не все винтики работали с такой же эффективностью, как это было на «Ривер-плейт». К тому же в Сант-Яго мы увидели футбол, который несколько отошел от южноамериканских принципов и в какой-то степени походил на европейский. В частности, на «Эстадио Насиональ» мы встретили свою отечественную персональную опеку, правда, еще не в совершенном виде.

Так или иначе, а матч в Сант-Яго был тяжелым и не принес нам таких лавров, как в Аргентине, хотя советские футболисты и победили со счетом 1 : 0. К тому же организаторы матча, учитывая триумф, который устроили нашей команде болельщики Буэнос-Айреса, назначили нашу встречу на половину одиннадцатого ночи. Расчет был точный: победители возвращались с «Эстадио Насиональ» глубокой ночью, по пустынным улицам чилийской столицы. И все же у гостиницы «Каррера» нас ждала толпа, которая шумно приветствовала советских футболистов.

Болельщики Чили живут предвкушением футбольного чемпионата. Уже сейчас в Сант-Яго и в других городах страны чувствуется предпраздничное волнение. Стадионы расширяются, даже самый большой, «Эстадио Насиональ», расположенный неподалеку от центра чилийской столицы, достраивается, чтобы вместить 80 тысяч зрителей.

Президент комитета по проведению первенства мира господин Карлос Диттборн рассказывал мне, что вся подготовка к чемпионату идет удовлетворительно и не вызывает никаких тревог.

— Беда лишь в том,— сказал господин Диттборн,— что не хватает билетов. Сообщу вам один только факт: все билеты, выделенные для жителей Сант-Яго, уже проданы. Остались только для гостей.

Президент предложил нам осмотреть стадионы в других городах, и мы на автомобилях двинулись в путь. Дорога в Ранкагуа лежит через красивые поля — предгорье Кордильер. Перед нами цепь гор, долины каменистых рек, очень напоминающих кавказские.

Ранкагуа — маленький, одноэтажный городок с парками и тенистыми аллеями. Стадион небольшой. Даже после реконструкции он сможет вместить не больше тридцати тысяч человек.

На следующий день мы направились к курортному городу Винь дель Мар. Он расположен в 140 километрах от Сант-Яго. Нам пришлось пересечь отроги Кордильер, на которых росли целые леса высоких кактусов. Автомобиль вылетел на возвышенность, и перед нами открылся замечательный вид на Тихий океан, на город, улицы которого обросли пальмами.

В этом солнечном городке, где отели и жилые дома стоят над океаном, будут происходить особенно горячие схватки на первенство мира. На уютном стадионе, построенном под горой на берегу озера, выступят чемпионы мира — бразильцы.

Мы долго бродили по городу, любовались пляжем, тихими водами Тихого океана и только под вечер, когда луна превратила придорожные кактусы в таинственные фигуры, стоящие на часах у Кордильер, вернулись в Сант-Яго.

Последняя игра — третий раунд — должна была состояться в Монтевидео. За нами тянулся шлейф похвал, и это создавало особые трудности. Мы должны были помнить, что уругвайский футбол сочетает в себе все лучшие качества южноамериканского футбола и гордится двумя победами в чемпионате мира.

В Монтевидео нам удалось по-

Вас. ФЕДОРОВ

БЕТХО

Он счастья ждал...

Когда ему дались
Все звуки мира —
От громов гремучих
До лепета листвы;
Когда дались
Таинственные звуки полуночи:
Шуршанье звезд на пологе
небес
И лунный свет,
Как песня белой пряжи,
Бегущей вниз;

Когда ему дались
Все краски звуков:
Красный цвет набата,
Малиновый распев колоколов,
Далась ручьев
Серебряная радость,
Далась безмолвья
Черная тоска
И бурое кипенье преисподней;

Когда ему дались
И подчинились
Все звуки мира
И когда дались
Все краски звуков,—
Молодой и гордый,
Как юный бог,
Стоящий на горе,
Решил он силу их
На зло обрушить.

Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,
И образ он призвал
Любви своей,
Отдав всю страсть
Высоким заклинаньям.
На зов его,
На тайное «приди»
С улыбкою,
Застенчивой и милой,
С глазами тихими,
Как вечера,
Вошла любовь,
Напуганная жизнью.
Вошла любовь,
Печальна и бледна.
Но чем печальнее
Она казалась,
Чем беззащитнее
Была она,
Тем больше сил
Для битвы
В нем рождалось.
Уже потом
От грома,
От огня,
От ветра,
От воды,
От сдвигов горных
Он взял себе такое,
Перед чем
В невольном страхе
Люди трепетали.

Когда же
Это все соединилось
И стало тем,
Что музыкой зовется,
Пришли к нему
На гордое служенье
Апостолы
Добра и красоты.
Они пришли
И принесли с собою
Валторны,
Флейты,
Скрипки,
Контрабасы,
Виолончели,
Трубы и литавры,
Как верные его ученики.

По знаку
Бурное его творенье
Со злом
За счастье
Начало боренье,
За чистоту,
За красоту страстей
С жестокостью,
С пороками людей.

В громах и бурях
Небывалой мощи,
Преодолев презрение свое,
Он полоскал их души,
Как полощут
В потоке чистом
Старое белье.
И вот уже,
Испытывая жажду
Добра,
Любви,
Красивой и большой,
Томились люди,
И тянулся каждый
За просветлевшею своей душой.
Недоброе и пагубное руша,
В борении
Не становясь грубей,
Он вскидывал спасенные им
души
И в зал бросал,
Как белых голубей.

Великие
Преодолев мученья,
Всей силою
Своих волшебных чар
Он победил.
И мир его встречал
Слезами
И восторгом
Очищенья.

Он вышел в ночь
Сказать свое спасибо
Громам,
Ветрáм,
Луне золотобокой,
Сказать спасибо
Водам серебристым
И поклониться
Травам и цветам.
Он проходил
И говорил спасибо
Высоким звездам,
Что ему светили,
Косматым соснам,
Рыжим тропкам леса
И перелетным иволгам
В лесу.

А на заре,
Когда он возвращался
К своей любви,
Раздав благодаренья,
У городских ворот
С ухмылкой мерзкой
Несправедливость
Встретила его.
— Ты зло хотел убить,—
Она сказала,—
Убей свою любимую сначала.
Любовь тебе, великий,
изменила,
Тебя пустому сердцу предпочла.
Он был упрям
И сразу не поверил,
Все шел и шел,
Гонимый прежней страстью,
Все шел и шел,
Пока лицо Измены
Не подступило вдруг
К его лицу.

Бетховен вздрогнул
И остановился,
Закрыл глаза
От горя и обиды
И, голову клоня
Перед судьбою,
Взревел,
Как бык,
Ударенный бичом.
И лоб его,
Досель не омраченный,
Тогда и рассекла
Кривая складка,
Что перешла потом
На белый мрамор
И сохранилась в камне
На века.

Убитый горем,
Он восстал из праха,
Тряхнул своей
Бетховенскою гривой,
Сжал побелевшие
От гнева губы
И стал опять
Похожим на бойца.

— Ты сгинешь, зло,—
Грозил ему Бетховен,
А вместе с ним
Грозил и всем порокам,—
Вы все-таки погибнете, пороки,
Умрете,—
Он сказал,—
В утробе зла.
Постыдные,
Сегодня вы живете
Лишь только потому,
Что я ошибся,
Лишь только потому,
Что в нетерпенье
Не соразмерил
Голоса стихий.
Людское зло
Я изгонял громами,
Людской порок
Я изгонял огнями,
Не догадавшись вовремя,
Что ими
И без того
Уже разбужен страх.

На этот раз
Начну совсем иначе,
Возьму в расчет
Совсем иные силы.
Я поступал,
Как гневный небожитель,

смотреть матч двух лучших клубов — «Насиональ» и «Пеньяроль». Это было важно потому, что почти все игроки этих команд, собственно, составляли сборную Уругвая, с которой нам предстояла встреча.

Старший тренер Гавриил Дмитриевич Качалин просил всех футболистов внимательно следить за будущими соперниками. Лев Яшин, только что оправившийся от травмы, полученной на стадионе «Ривер Плейт» в Буэнос-Айресе, конечно, больше всего смотрел за форвардами, за их финтами, дриблингом и прицельными ударами. Михаил Месхи молча наблюдал за действиями уругвайских защитников и приглядывался к их слабостям. Валерия Воронина интересовала тактика форвардов центровой тройки. Каждый из наших футболистов мысленно уже вел борьбу, оценивая шансы, прикидывал возможное течение предстоящего матча.

На следующий день в уютном клубе советской миссии, где всегда нас принимали как желанных гостей, рассевшись удобно на диванах, футболисты, словно на уроке, отвечали на все вопросы Качалина. Интересная эта беседа длилась долго, и передо мною открылась большая и многообразная картина уругвайского футбола, характерные черты которого были подмечены острым глазом знатоков.

Но и после беседы, которую вполне можно назвать теоретическим семинаром, я слышал, как ребята, играя в пинг-понг, в шахматы или на бильярде, вспоминали имена хавбека Альвареса, инсайда Родригеса, крайнего форварда Эсколадо, поразившего их своим сильным, резаным ударом.

Сборная команда Уругвая, которая, так же как аргентинская, не знает случаев поражения от европейских команд, брала на себя еще дополнительную задачу — отомстить за поражения в Буэнос-Айресе и Сант-Яго. Ведь это была последняя возможность реабилитировать южноамериканский футбол. Вот почему встреча с уругвайцами хотя и была формально товарищеской, по существу стала матчем престижа, состязанием высокого накала, в котором хозяева поля не стеснялись никакими средствами для достижения цели.

Широко известно, что Уругвай — футбольная держава, в которой и малыши и старцы увлекаются этой игрой безгранично. Она стала их культом, они молятся на футбол и не прощают никаких обид. Весь Монтевидео разделен на два больших лагеря — приверженцев клуба «Насиональ» и ярых их неприятелей — поклонников клуба «Пеньяроль». Их вражда традиционна. На стадионе они сидят на разных трибунах. Над одной из них развевается черно-желтый флаг «Пеньяроля», на другой — бело-голубой «Насионаля». Они бранятся и дерутся в перерыве и после матча, потому что во время состязания их разделяет

В Е Н



Рисунок В. Высоцкого.

А поступлю,
Как скорбный человек.
На этот раз
Из всех звучаний мира
Все нежное
Возьму себе в подмогу.
И то,
Чего не сделал страхом кары,
Свершу любовью я
И красотой.

Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,
Призвал на помощь
Горести свои,
Чтоб силу дать
Страстям исповедальным.
Теперь он взял
От всех земных красот:
От птиц,
От зорь,
От всех цветов,
От речек —
Все чистое,
Все доброе, чему
В любви притворной
Люди поклонялись.

Все это взял он,
Как пчела нектар,
Как листья свет,
Как темный корень влагу.
Все это взял он
И соединил
Своей неутоленною печалью.
Соединив,
Разъял,
Как белый свет
На переливы радуг семицветных
Разъять способны капельки
дождя,
Когда они
Встречаются с лучами.
Еще разъял,
И с нотного листа
Глядели знаки красоты
дробимой.
Так нужно было,
Ибо красота
Лишь в чистом сердце
Станет неделимой.

— Да сгинет зло! —
Сказал себе Бетховен,
В зал поглядел
И пригрозил порокам:

— Вы все-таки погибнете,
пороки,
Умрете вы
В самой утробе зла.

Он подал знак,
И в сутеми вечерней
Запели скрипки
И виолончели.
И повели,
Перемежая речи,
По горестным извилинам души
В тревожный мир
Исканий человечьих,
В тот новый мир,
Где не бывает лжи.
И юных повели,
И поседелых,
И павших всех,
И не успевших пасть
За самые далекие пределы,
Где злое все
Утрачивает власть.
Они вели
К той милой,
Чистой, гордой,
К Возлюбленной,
Чье имя Красота,
Дойти к которой
По дороге горной
Всю жизнь мешала им
Недоброта.

И отреклись они
От жизни прошлой,
Порочной
И корыстной.
В первый раз
Не от беды,
Не от обиды ложной
Заплакали,
Уже не пряча глаз.

Как дровосек
Со лбом разгоряченным,
Усталым жестом
Смахивая пот,
Он поклонился
Новообращенным
И вышел в ночь
Из городских ворот.
Он вышел в ночь
Сказать свое спасибо
Лесам,
Полям,
Создавшим человека
И потому
Со дня его рожденья

Имеющим над ним
Большую власть.

— Я победил! —
Торжествовал Бетховен.—
Я победил!
В порыве благодарном
Упал на травы он,
Раскинул руки
И прошептал земле:
— Благодарю!

Земля молчала,
И молчали птицы,
Леса молчали,
И молчали реки.
— Что вы молчите? —
Закричал Бетховен
И не услышал
Крика своего.
До сей поры
Он не был одиноким:
Друзья ушли —
Любимая осталась,
Любимая ушла —
Была природа...
Теперь сама природа
Отреклась.

Когда он шел
Дорогою безмолвья,
Его опять
На перекрестке жизни
Уже беззвучным смехом
повстречало
Убитое
И проклятое зло.
Бетховен побледнел,
Остановился,
Нахмурил лоб
Под гривой богоборца,
С глубин души
Призвал для битвы звуки —
И тайным слухом
Он услышал их.

И победил
Сраженный победитель.
В борьбе со злом
Постиг он все законы.
Зло изощрялось
В хитрости,
В коварстве —
В искусстве добром
Изощрялся он.
И лоб его,
Отмеченный скорбями,
Еще не раз пересекали складки,
Что перешли потом
На белый мрамор
И сохранились в камне
На века.

глубокий ров, кстати сказать, полный мусора.

В день нашего отъезда в газетах было объявлено, что один из сторонников «Насионаля» убил двумя выстрелами из револьвера Паскуаля Бове, 64-летнего старика, за то, что тот в споре заявил, что команда «Пеньяроль» сильнейшая в мире...

Так фанатично относятся к футболу в Уругвае. И когда в напряженной борьбе хозяева поля все же проигрывали нашим ребятам, несмотря на то, что действовали очень решительно, у них не нашлось мужества спокойно посмотреть в лицо своей неудаче. Уругвайские футболисты стали искать утешения в отваге. Правила игры, спортивная этика, законы честного соперничества ушли прочь. И вот, хромая, покидает поле В. Воронин; держась за плечо, уходит С. Метревели. И все же уругвайцы проиграли — 1 : 2.

Наша команда, несмотря ни на что, действовала исключительно слаженно, словно ее игроки выступали вместе уже много лет. Один из местных журналистов спросил меня, много ли клубов представлено в нашей команде.

Вопрос для меня был неожиданным, и я не сразу ему ответил. Мысленно я одел всех игроков в формы их клубов, и получалась довольно пестрая картина. В сборной были представлены мастера московских команд «Торпедо», «Динамо», «ЦСКА», «Спартак», ростовского спортивного клуба армии, тбилисского «Динамо».

Я больше месяца ездил с командой и ни разу не почувствовал даже намека на неприязненное отношение между ребятами. Иностранного журналиста, конечно, могла поразить дружба динамовца Л. Яшина и спартаковца И. Нетто, ростовчанина В. Понедельника и москвича В. Маслаченко, торпедовца В. Воронина и армейца В. Амбарцумяна. Но нас она не удивляла. Мы видели ее не только на поле в ее «футбольном выражении», но и в обыденной жизни команды, в часы отдыха в парке, на пляже. А игроки сборной Уругвая, которые недавно летали через Кордильеры в Чили, познакомились только в самолете, но так и не поняли друг друга, ибо одни из них выступали под желто-черным флагом «Пеньяроля», а другие — под бело-голубым «Насионаля». Это не соревнующиеся, а враждующие команды.

...Мы улетаем. Последние дни проводим на набережной и на пляже. В Монтевидео по-декабрьски жарко. Здесь начинается лето. Строгие законы спортивного режима сняты с наших игроков. Они купаются, загорают и играют в футбол с детворой на пляже.

Но отдых этот кратковремен, и все это знают. Уже в январе сборная команда страны начнет свою подготовку к новому отлету за океан. И на сей раз ее ждет в Чили не разведка боем, а генеральное сражение.

Малышам

Р. КАШАУСКАС

АРВИДАС РАСТЕТ



Однажды Арвидас залез под стол и стал там играть в какие-то свои игры. А когда ему надоело возиться под столом, он попытался встать.

Тут-то стол и ударил его по голове!

— Ты зачем дерешься? — рассердился на него Арвидас.

А старый хитрый стол молчит и только улыбается.

Арвидас подумал про себя: «Я встану еще раз! И так стукну головой этого деревянного невежу, что он закричит у меня от боли!»

Но едва малыш поднялся, стол опять хватил его по голове.

Арвидас еще пуще рассердился, а потом испугался, сел на пол и заплакал от обиды.

Стол пожурил мальчика:

— Ты чего плачешь? Ты ведь уже большой — совсем мужчина! В прошлом году, я помню, ты выходил из-под меня даже не сгибаясь. Разве я виноват, что ты растешь? Придет время, и я буду тебе только до пояса. Как знать, может быть, ты вскоре и вовсе забудешь меня, а я каким был, таким и останусь на всю жизнь.

Арвидасу стало жаль старого, нерастущего стола.

Он вытер слезы и спрашивает:

— Так что же мне теперь делать?

— О, да это очень просто. Ты нагнись пониже и проходи между моими ногами. И выйдешь!

Арвидас так и сделал.

ВИНОГРАД

Мы с Арвидасом очень любим путешествовать. Вы не подумайте, что только по двору. Нет, мы путешествуем в далекие-далекие разные страны.

А мамы все нет и нет.

Почему она не возвращается из города? Мы ее ждем не дождемся, ибо сильно проголодались, а как самим приготовить себе обед, не знаем! Потому-то мы все время и поглядываем на ворота.

— Пап, а пап, давай уедем из Вильнюса?

— Давай уедем,— соглашаюсь я.



Арвидас вздыхает, садится на свой трехколесный велосипед и нажимает на педали. Вскоре мы доезжаем до лестницы.

— Папа, смотри: ведь это Москва! — восклицает Арвидас.

— Да,— отвечаю я,— это действительно Москва. Пойдем покатаемся на метро.

Мы залезли под лестницу, сели на пустой ящик и понеслись! Мимо нас летят светлые электрические фонари, сверкающие станции, сияющие поезда.

— А мамы все еще нет,— тревожится Арвидас.

— Нет, не видать. Знаешь что, поедем на Украину! Поиграем в прятки с украинскими хлопчиками, а тем временем и мама вернется, увидишь.

Мы тут же переезжаем на Украину, которая находится у колодца. На Украине, конечно, хорошо, но мамы почему-то совсем не видно. Мы уже помираем с голоду и не можем терпеть ни одной минуты.

— Арвидас,— медленно говорю я,— не хочешь ли ты винограду?

— Хочу,— весь загоревшись, отвечает малыш.

— Так едем в Грузию. Там винограду сколько угодно!

Мы снова трогаемся в путь и переезжаем от колодца к старой березе. Это и есть наша Грузия.

Грузинские дети щедро угощают нас виноградом, а тут как тут и мама входит во двор.

— Я вам виноград принесла! — говорит она.— Кушайте!

— Как,— удивляемся мы,— разве и ты была в Грузии? Почему-то мы тебя там не заметили!

— Что ты, Арвидас, в какой Грузии? — смеется мама.— Я виноград купила в магазине...

Вот славно получилось. Ведь грузины знают, что наша Литва находится от них далеко на севере и виноград у нас не растет, и потому они и присылают к нам эти сладкие гроздья.

Мы с Арвидасом вовсю уплетаем золотистый виноград и едем дальше — в другие заманчивые страны.

Авторизованный перевод с литовского Аркадия СИТКОВСКОГО.

Рисунки В. Высоцкого.

Виктор БОКОВ



ПОДСОЛНУХ

Я подсолнух, я полжизни
Золотой ношу картуз.
Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Я вприсядочку пройдусь.
Подыграйте на свирели,
Мне она давно сродни,
Чтобы сразу присмирели
На заборах воробьи!



По оврагу утром рано
Зацвела валерьяна.
— Это что еще за чудо,
Чудо царственное?
— Я не чудо, я растение
Лекарственное!



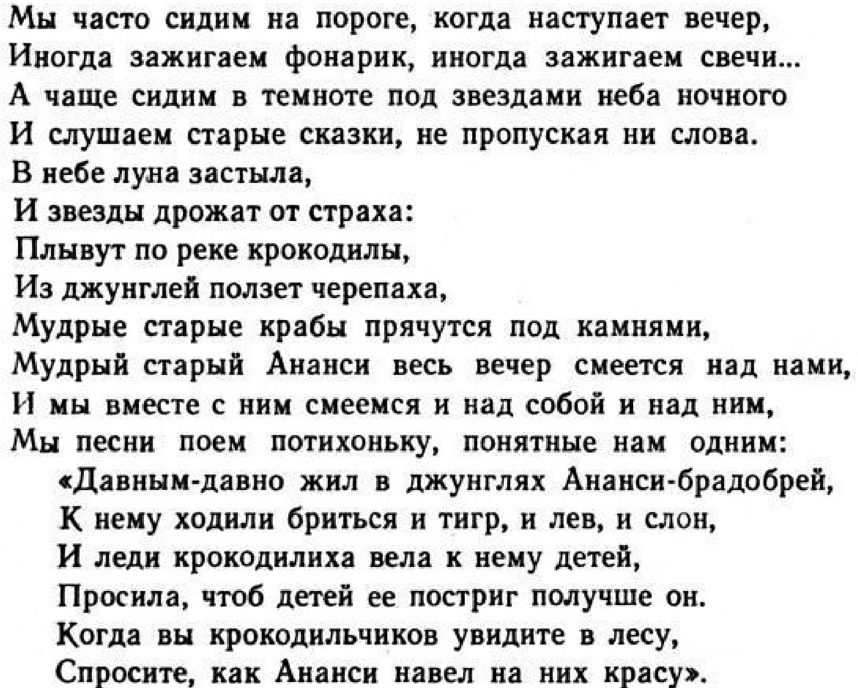
Я звеню, звеню, звеню
Зонтиком-звоночком,
Если нет меня в меню —
И обед испорчен!



Эфуа САЗЕРЛЕНД (Гана)



ВЕЧЕРНИЕ СКАЗКИ



Мы часто сидим на пороге, когда наступает вечер,
Иногда зажигаем фонарик, иногда зажигаем свечи...
А чаще сидим в темноте под звездами неба ночного
И слушаем старые сказки, не пропуская ни слова.
В небе луна застыла,
И звезды дрожат от страха:
Плывут по реке крокодилы,
Из джунглей ползет черепаха,
Мудрые старые крабы прячутся под камнями,
Мудрый старый Ананси весь вечер смеется над нами,
И мы вместе с ним смеемся и над собой и над ним,
Мы песни поем потихоньку, понятные нам одним:
«Давным-давно жил в джунглях Ананси-брадобрей,
К нему ходили бриться и тигр, и лев, и слон,
И леди крокодилиха вела к нему детей,
Просила, чтоб детей ее постриг получше он.
Когда вы крокодильчиков увидите в лесу,
Спросите, как Ананси навел на них красу».



МОИ КАРТИНКИ



Здравствуй, цапля длинноногая,
Можно я тебя потрогаю?
Неужели ты живая?
У тебя не клюв, а нож,
У тебя нога, как свая,
Каждый вечер ты идешь
По болоту без калош,
Ходишь, в воду опуская
Шею лебединую...

Как ты выросла такая,
Длинная-предлинная?
Посмотри, в моей тетрадке
Арбузы растут на грядке,
Мотыльки играют в прятки,
На кустах цветут цветы.
Видишь, рыбу ловит кошка,
По волнам плывут киты,
Ты побудь со мной немножко,
Попадешь ко мне и ты!

Перевод с английского
Н. ВОРОНЕЛЬ.





Рисунки В. Черникова.

КУКУРУЗА

Кукуруза выше леса,
Как деревья, встала в ряд.
Вы прошли без интереса,
И напрасно: это клад!



Под горою ручеек
Зазывает в полдень жаркий:
— Заходите на чаек
С самоваром и заваркой!



Все говорят, что я люблю
орехи,
Познания неточны и грубы,
В моем дупле, как в
шоколадном цехе,
И сласти есть и белые грибы!



ПОХИЩЕНИЕ «ДЖОКОНДЫ»

В. ВЛАДИМИРОВ

— Синьор Джери, вам письмо!

— Я очень занят. Что-нибудь срочное?

— Не знаю. Из Парижа.

У итальянского антиквара Альфредо Джери, владельца художественной галереи, с минуты на минуту должен был начаться аукцион. Джери рассеянно взглянул на конверт. Очень старательно и несколько неуклюже на конверте было выведено: «Италия, Флоренция, синьору Алессандро Джери, антиквару, улица Боргоньисанти, 12».

— Алессандро? Меня зовут Альфредо. Но не будем придираться...

Антиквар вскрыл конверт. Плохая бумага школьного образца, крупные корявые буквы — так пишут люди, непривычные к перу. Джери дочитал письмо до конца, и на лице его выразилось величайшее недоумение. Некто Винченцо Леонарди предлагал антиквару купить исчезнувший из Лувра портрет Монны Лизы (Джоконды)!

Леонарди писал, что он исполнен желания вернуть своей родине Италии одно из лучших произведений итальянского искусства, захваченное французами. Обратный адрес «патриота»: «Париж, почтовое отделение на площади Республики, до востребования».

Мистификация? Шутка? Мошенничество?

Окончание. См. «Огонек» № 1.

Джери едва дождался конца аукциона. Он подошел к профессору Джованни Поджи — директору флорентийской картинной галереи Уффици, отозвал его в сторону и показал ему письмо.

— Гм,— растерянно сказал Поджи,— однако же этот любящий свою родину итальянец, кроме патриотизма, еще хочет получить деньги за украденную картину... Сегодня 28 ноября 1913 года. С тех пор, как «Монна Лиза» исчезла, прошло два года и три месяца... На вашем месте я отнесся бы к этому письму всерьез. Напишите ему, что Италия будет навек благодарна за возвращение шедевра живописи. В конце концов, вы ничем не рискуете. Может быть, это и обманщик, а может быть, и простофиля. Бывали случаи, когда самые большие преступники сами толкали себя на путь гибели...

Джери написал ответ «до востребования» и очень скоро получил от Леонарди длинное письмо, полное патриотических восторгов. В конце письма он вновь просил указать цену и предлагал синьору Джери приехать в Париж.

Джери ответил, что в Париже он побывать не может, и советовал незнакомцу приехать в Италию. Через несколько дней пришла телеграмма: «Нахожусь в Милане, еду немедленно во Флоренцию. Леонарди». Вероятно, «патриот» очень спешил.

На следующий день в конторе Джери появился малорослый человек с усиками, одетый в темный костюм. Оставшись наедине с Джери, он назвал себя Леонарди и объявил, что «Джоконда» у него с собой.

— Вы шутите! — сказал Джери.

— Я? Это вы, пожалуй, шутите!

— Не знаю, как вы,— холодно сказал Джери,— а мне кажется, что здесь не место для шуток.

— Я хочу поскорее покончить с этим,— признался Леонарди.— Что бы вы сказали о пятистах тысячах франков?

— Если картина подлинная,— ответил Джери,— мы не будем торговаться. Приходите завтра, в три часа дня. У меня будет профессор Поджи. Где вы живете?

— В гостинице на виа Панцани. «Она» у меня... там...

— Прекрасно,— сказал Джери,— как только профессор Поджи удостоверит, что это подлинная картина, мы заплатим наличными.

На следующий день Леонарди в назначенное время не явился. Джери в глубине души все еще думал, что этот человечек — обыкновенный жулик, который пытается всучить антиквару копию вместо оригинала, а может быть, и просто ограбить.

— Ну вот, еще одно подтверждение того, что он обманщик,— сказал антиквар, — его нет...

— Придет,— благодушно заметил Поджи,— надеюсь, что вы не взяли с собой денег?

— За кого вы меня принимаете? Я оставил секретарю письмо, адресованное в полицию. Если я не вернусь к пяти часам, письмо будет передано и вся Флоренция поставлена на ноги. Но его нет.

— Вот он,— сказал Поджи, надевая очки и указывая в окно.

Человек с усиками опоздал на пятнадцать минут. Через полчаса все трое находились в гостинице. Леонарди не стал томить покупателей разговорами. Он вытащил из-под кровати простой белый ящик, запертый висячим замком, ткнул в него пальцем и сказал:

— «Она» здесь. Теперь «она» будет на родине, во Флоренции, на своем законном месте.

— Несомненно,— ответил Джери,— но где же она?

Леонарди стал рыться в ящике и выбрасывать на пол предметы, выдававшие профессию маляра: запачканные известкой блузы, кисти, банки из-под лака. Затем на пол полетела мандолина в футляре. Потом хозяин поднял второе дно сундука, вынул прямоугольный пакет, завернутый в красный бархат, снял покрывало, отклеил бумагу и эффектным жестом поставил свой товар на кровать.

На покупателей, слегка улыбаясь, смотрела прославленная красавица XV столетия. «Черт возьми,— подумал Джери,— если это копия, то очень искусная...»

— Да,— сказал Поджи,— очень похоже. Позвольте мне поднести ее к окну.

Он возился с картиной минут пятнадцать. Потом поставил ее на кровать и сказал невозмутимо:

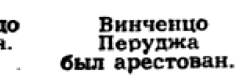
— Мне кажется, синьор Джери, что нам следует походатайствовать о награждении этого человека. Это оригинал. На обороте имеется номер каталога и печать Лувра. Каким образом вам удалось его раздобыть, синьор?

Вопрос был обращен к продавцу. Тот опустил глаза и пробормотал что-то невразумительное.

— Но я прошу вас разрешить доставить картину в галерею Уффици, — продолжал Поджи, - ибо для того, чтобы купить «Джоконду», мало одного моего свидетельства. Нужны специалисты по Леонардо да Винчи. Во всяком случае, мы с Джери всегда готовы подтвердить, что именно вы привезли эту картину на родину.

Продавец согласился. «Джоконда» была доставлена в картинную галерею на извозчике. Телеграфом





Антиквар Альфредо Джери задумался.

Винченцо Перуджа был арестован.

был вызван из Рима генеральный директор древностей и произведений искусства Коррадо Ричи. А на следующий день в 7 часов вечера Леонарди был арестован в ту минуту, когда собирался выйти из гостиницы. Полиция произвела обыск в номере, забрала белый ящик и кожаную сумку арестованного. В полиции синьор Леонарди признался, что подлинное его имя — Винченцо Перуджа. Ему 32 года, он родом из деревни Думенца, в Северной Италии, по профессии маляр.

— Да,— твердо сказал Перуджа,— это я привез «Джоконду». Это — хорошее, святое дело. Лувр битком набит сокровищами, которые по праву принадлежат Италии. Я не был бы итальянцем, если б смотрел на это с безразличием!

* * *

Известный теоретик искусства времен Возрождения Джорджо Вазари описывал портрет Монны Лизы как необыкновенное достижение живописи. Он восторженно говорил о картине, останавливаясь на влажном блеске глаз, на тончайших ресницах, на розоватых ноздрях и на биении пульса, словно видимом во впадине шеи. Многое исчезло за четыре с лишним сотни лет, краски сильно выцвели под толстым слоем лака, но очарование знаменитого портрета не пропало и до наших дней.

Два года и три месяца, которые «Монна Лиза» провела в плену в полутемной парижской мансарде Перуджа, к счастью, не отразились на картине.

«Джоконда» была выставлена под охраной полиции во Флоренции, Риме и Милане. К ней стекались толпы. После торжественной церемонии «Джоконда» отбыла в Париж.

Об Овсюгове, Тихоне и генерале

Луганский рабочий-шлифовальщик Бойко, прочитав рассказ «Запятая», написал в редакцию:

> «Всю нашу семью тронула борьба и принципиальность Чиликина. Это наш настоящий человек, он готов нести любую кару за свою правду. Правда эта нас и тронула, и мы с вами всей душой, дорогой наш человек. С такими, как Чиликин, хорошо и легко работать. Очень жаль, что в нашей жизни еще встречаются овсюговы, которые мешают жить и работать».

Врач Петров из Москвы, доцент Чичуа из Тбилиси, читатели Сергей Беспалов из Пензенской области, Петр Зотов из Бурятии, Н. Евдокимова из Москвы, библиотекарь Карастелина из Новокуйбышевска и многие-многие другие разделяют мнение луганского шлифовальщика.

Читатель из Казани М. Лучинский написал еще более восторженно:

> «Как только в редакции появится Анатолий Глебов, схватите его руку и крепко пожмите ее за меня в знак восхищения рассказом «Запятая». Форма безупречна, содержание покоряет, убеждает, воодушевляет, бьет прямо в душу, если она не закостенела».

Борьба рядового, честного работника Чиликина с Власюком и Овсюговым искренне взволновала читателя. Ему противен Овсюгов, девиз которого: «Пока тебя не спрашивают, молчи и выполняй». Ему противен карьерист Власюк, трус перед «вышестоящими» и хам по отношению «к подчиненным». У него вызывает презрение равнодушный ко всему Родименко, который во время разбора дела Чиликина озабочен только тем, как бы не опоздать на именины.

Овсюгов не только персонаж рассказа. Овсюговы — некое общественное явление, которому объявлена война в решениях XX и XXII съездов партии. Овсюгов — исправный служака, для которого идейность и принципиальность — понятия не только непостижимые, но и ненужные. Чиликина, которому «до всего дело», он никогда не поймет. Он никогда не протянет руку помощи человеку, если на этот счет не будет специальных указаний. Зато современный Молчалин — умеренный и аккуратный, живущий по принципу «чего изволите»,— близок его духу.

* * *

Есть у нас люди, готовые за чашкой чая покалякать о грядущем коммунизме. Однако, боже избави, затронуть область их личных интересов: собственную дачу, собственный сад, собственную машину, собственную карьеру, собственное благополучие.

В рассказе Б. Анашенкова «Закон развития» встречаются два брата: Тихон и Павел. Один из них, Тихон, отслужив много лет, обзавелся собственностью, погряз в ней, измельчил свою душу; другой всей душой предан коллективу, колхозу, обществу. Казалось бы, тенденция рассказа вполне очевидна, и Тихон никак не может вызывать сочувствие и своим образом жизни и своим мышлением. Но нашлись сочувствующие и Тихону.

Читатель И. из Армавира, пенсионер, раздраженно пишет:

> «Тихон больше половины жизни провел в армии, заслужил пенсию и живет в благоустроенной квартире, занимается своим небольшим хозяйством; другой, Павел, всю жизнь менял специальность и к моменту встречи оказался в колхозе, где неизвестно что делает, только из кузни по двадцать часов не вылезает...»

Заключает свои рассуждения о рассказе тов. И. следующей сентенцией: «Я лично считаю высказывание таких мыслей в центральной печати вредным и компрометирующим советский строй».

Вот как!.. «Высказывание мыслей» о том, что общественное важнее личного, по мнению И., — компрометация нашей жизни. Пояснений, как говорится, не требуется.

Но И. не одинок. С ним вполне согласен тов. К. из Звенигорода: «Мне кажется ошибочной идейная направленность рассказа».

Почему же? К. объясняет:

> «Известно, что некоторые наши работники, не считаясь с объективными закономерностями, хотят и пытаются мерами



Толпа осаждала галерею Уффици...



...где под охраной полиции была выставлена «Джоконда».

Следствие по делу Перуджа шло несколько месяцев. Арестованный ничего не скрывал. Он рассказал, что периодически работал в Лувре стекольщиком. За это время он успел и изучить расположение комнат музея и познакомиться со служащими. Без особого труда он прошел в Лувр утром в выходной день, 21 августа 1911 года. Таким образом, версия следователя Дриу, будто вор ночевал в музее, оказалась ложной.

Итак, «зал был пустой,— рассказывал обвиняемый,— и «Джоконда» мне улыбалась. Я уже раньше решил ее украсть. Снять ее со стены было делом минуты. Я вынул ее из рамы. Раму я отнес на лестницу и оставил ее там, а сам вернулся в салон, взял картину и спрятал ее под блузу. Я ускользнул, не возбудив никаких подозрений».

Версия об «обработке» картины на площадке лестницы также отпала. Перуджа действовал в зале музея в открытую. Что касается отпечатков пальцев, то выяснилось, что парижская полиция располагала ими еще до похищения. Перуджа имел два «привода» в 1908 и 1909 годах: в первый раз за «попытку воровства», а вторично за «насилие и хранение запрещенного оружия». Была составлена карточка, на которой в изобилии представлены линии всех пальцев обеих рук Перуджа. Но, по объяснению директора бюро антропометрии Бартийона, классификация отпечатков производится по пальцам правой, а не левой руки. Следовательно, найти аналогичный отпечаток левого пальца среди 750 тысяч карточек бюро невозможно, из чего следует, что преступники-левши имели больше шансов уйти от французского правосудия, чем обыкновенные преступники.

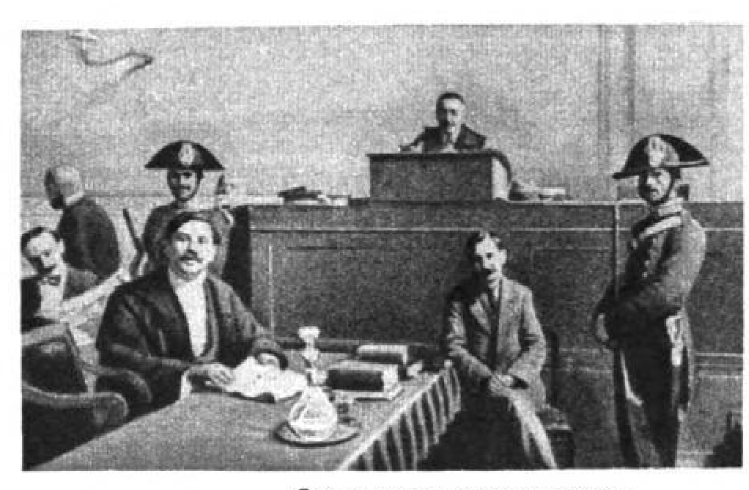
Так как итальянское «право давности» охватывает всего два года, а французское — три, адвокат подсудимого Тарджетти потребовал, чтобы Перуджа судили не во Франции, а в Италии: там приговор должен был быть мягче.

«Патриотические» убеждения обвиняемого сразу померкли, когда стало известно, что он имеет в прошлом «попытку воровства», да еще вдобавок требовал за свою «любовь» к Италии полмиллиона франков. Кроме того, обвинение предъявило суду письмо Перуджа родителям, в котором он писал, что не хочет возвращаться на родину, пока не «соберет себе состояния».

Тогда Тарджетти стал настаивать на невменяемости Перуджа. Он подчеркнул, что в самой Франции общественное мнение относится к этому глупцу снисходительно, тем более что его поступок «не имел тяжелых последствий».

Перуджа плохо знал историю живописи. Он наивно предполагал, что «Джоконда» была увезена из Италии во времена Наполеона. Между тем Леонардо да Винчи сам привез во Францию свою картину, выкупив ее у владельцев за счет французского короля. Картина была королевской собственностью до революции 1789 года, которая сделала ее достоянием нации.

Приговор был мягкий: один год и пятнадцать дней тюрьмы с уплатой судебных издержек. Это произошло в июне 1914 года. Вскоре грянул гром первой мировой войны, и человечество забыло о похищении «Джоконды».



Суд вынес мягкий приговор...

Ярослав ГАШЕК

КЛАССИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Произошло неслыханное дело. Батик, ученик второго класса гимназии, самый бедный, но и самый прилежный мальчик во всем классе, который был освобожден от платы за учение, мальчик с отличным поведением, которому было разрешено бесплатно участвовать в школьной экскурсии и который только недавно получил из школьного фонда три тетради стоимостью в пять крейцеров,— так вот когда на уроке латинского языка до него дошла очередь и его должны были вызвать, то этот примерный мальчик встал и сказал:

— Господин учитель, мне необходимо пойти в уборную.

Учитель Томец был поражен как громом. Стоящий около него инспектор Гелльмут побледнел, как выбеленная известью стена, повернулся к бедному Батику и строго спросил:

— Как вас зовут?

На русском языке публикуется впервые.

в отставке

Читательские отклики на рассказы, опубликованные в «Огоньке», А. Глебова «Запятая», № 43, Б. Анашенкова «Закон развития», № 35 и М. Горчакова «Генерал», № 40 за 1960 год.

административного и общественного воздействия поскорее ликвидировать рыночную торговлю, а в результате этого растет спекуляция и ухудшается обеспечение населения продуктами...»

Никто в рассказе не ратует за ликвидацию рыночной торговли, она пока необходима. Речь идет лишь о том, что благо нашего народа, его материальные и духовные силы целиком и полностью зависят от результатов коллективного, общественного труда. Ибо именно коллективный, общественный труд формирует коммунистическое сознание. Можно каждый день перекапывать грядки на собственном огороде или с утра до ночи копыряться в собственном саду — от этого одного настоящим коммунистом не станешь.

Учитель П-ов из села Первое Никольское, Воронежской области, до глубины души возмущенный рассказом «Закон развития», представляет себе «вхождение» в коммунизм таким образом:

«Я до чтения рассказа считал, что мы, каждый, должны войти в коммунизм не избалованными белоручками, не с пустыми руками, а по силе возможности с посильными материальными ценностями вне коллективной собственности».

Такое «вхождение», по мнению учителя П-ва, «усилит материальную базу коммунизма».

Избалованные белоручки, разумеется, не нужны будущему коммунистическому обществу, но нельзя думать, что с чистой, открытой душой «войдут в коммунизм» стяжатели, накопившие деньгу, обладатели «палат каменных», которые, как известно, не строятся за счет трудов праведных. Мелкособственнические инстинкты и устремления, жадность, стяжательство, духовное оскудение живут рядом с безыдейщиной. Безыдейщина мила сердцу мещанина.

* * *

В рассказе М. Горчакова «Генерал» описывается очень хороший человек, который, имея большую пенсию, пошел на простую хозяйственную работу и сам полюбил свой труд и людям понравился.

Рассказ нашел сочувственный отклик у многих читателей.

Но есть и такие товарищи, которые решительно рассердились на автора.

За что же? Если ты генерал, хоть и в отставке, то и веди себя соответственно, то есть так, как положено по уставу. Товарищи Е. и Д. из Минска обижены, что автор поставил себе цель

«на фоне якобы положительной деятельности генерала в отставке показать неспособность генералов Советской Армии к чему-либо большему, чем организовать воскресник, чтобы убрать в лагере мусорную свалку, растянуть машины «строго по линии» и выполнять обязанности пьяницы-шофера».

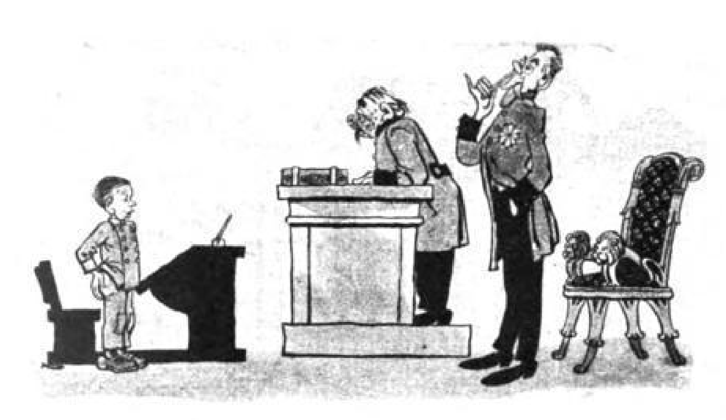
Далее товарищей Е. и Д. возмущает и оскорбляет, что шофер Белинков «фамильярно» обращается к бывшему генералу со словами «привет начальству», что сослуживцы говорят ему не «товарищ генерал», а просто по-человечески «Андрей Антонович».

Товарищи Е. и Д. забыли, что речь идет о советском генерале, вышедшем из народа, и проявили вовсе не свойственное нашему обществу высокомерие!

Впрочем, некоторым жизнь представляется разлинованной тетрадкой, в которой все расписано: что положено и что не положено. А если происходит так, как не положено, — это есть клевета и пасквиль. Такие люди крайне обидчивы. Подобно чеховскому жениху, они готовы по всякому поводу вскакивать и кричать: «Это намек!» Припомним, что еще Гоголь заметил: «...Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумей и о всех званиях и чинах».

Три рассказа — «Запятая», «Закон развития» и «Генерал» — весьма различны и по содержанию и по форме. Общее в них то, что они толкуют об острых вопросах нашей современности. И именно это привлекло к ним внимание читателей.

Ник. КРУЖКОВ



Школьник покраснел.

— Владислав Батик из Горны Мраче,— смущенно ответил он.

Инспектора передернуло.

— На основании какого права вы, Владислав Батик из Горны Мраче, пользуетесь в этом помещении словом «уборная»? Господин учитель, пожалуйста, объясните ему, как должен мальчик вежливо и подобающим образом попросить разрешения покинуть классную комнату не больше чем на десять минут. По истечении этого времени ученик должен быть отмечен в классном журнале, а его отметка по поведению снижается.

Затем он бросил уничтожающий взгляд на класс и сел у кафедры.

Учитель Томец откашлялся и потом сказал:

— Итак... Следовательно, история римской литературы учит нас, что в своих произведениях римские поэты применяли исключительно светские условные выражения. Исходя из этого, мы можем заключить, что...

Батик опять поднялся. Он дрожал.

— Пожалуйста, господин учитель, можно ли мне выйти?

— Нет, Батик, теперь уж поздно пользоваться приличными словами, после того как вы погрязли в вульгарной непристойности. Не терплю безнравственности. И вообще меня удивляет, как вы, бедный мальчик, которому приходится рассчитывать только на помощь своей матери, бедной вдовы, применяете слова, за которые пришлось бы стыдиться самому последнему из сельских батраков. С этого момента ваша отметка по поведению снижается на одну ступень, потому что молодое деревцо нужно выпрямлять вовремя, пока не поздно, пока человеческое общество не станет на один отвратительный экземпляр больше. Я вам уже говорил: латынь — это язык, в значительной степени способствующий тому, чтобы каждый, кто с должным усердием изучает его, приобрел благородный образ выражений, а также благородные мысли...

Беспокойство Батика усиливалось. Он умоляюще посмотрел на инспектора, который, однако, бесчувственно рассматривал свои ногти. Затем он перевел свои взоры на висящую на стене картину Карнакского храма. Его глаза наполнились слезами. Если бы он только мог быть... там, среди развалин...

Словно издалека, он услышал слова учителя:

— Сколько раз я уже пытался убедительно разъяснить вам, что в каждом произнесенном вами слове должен быть заметен хотя бы след моих стараний воспитывать вас порядочными людьми! Древние римляне расплакались бы из-за вас, Батик. Юлий Цезарь, Овидий, Цицерон и Гракхи с презрением отвернули бы от вас свои лица. Куда вы дели свои руки, Батик?

— Господин учитель...— прошептал несчастный.

— Замолчите! Кроме плохого поведения, я замечаю у вас и другую не менее отвратительную привычку. Вы противоречите! Вы забываете, что вы бедный, освобожденный от платы за учение школьник. Таким образом, почва ускользает из-под ваших ног. Запомните все, что благородные слова являются выражением благородной души. И к этому вас ведет классическое воспитание, которое...

Муки Батика достигли своего кульминационного пункта. Его лицо покраснело, все тело задрожало, и он заплакал от отчаяния.

— Поэтому, Батик, я вынужден примерно наказать вас. Вы нарушили наш покой, как варвар, и, как варвар, вы должны покаяться из-за ваших отвратительных, непристойных, грубых, неприличных и подлых слов... Максимиан, дважды отрекшийся от престола римской империи...

Вдруг вокруг Батика поднялось пять рук.

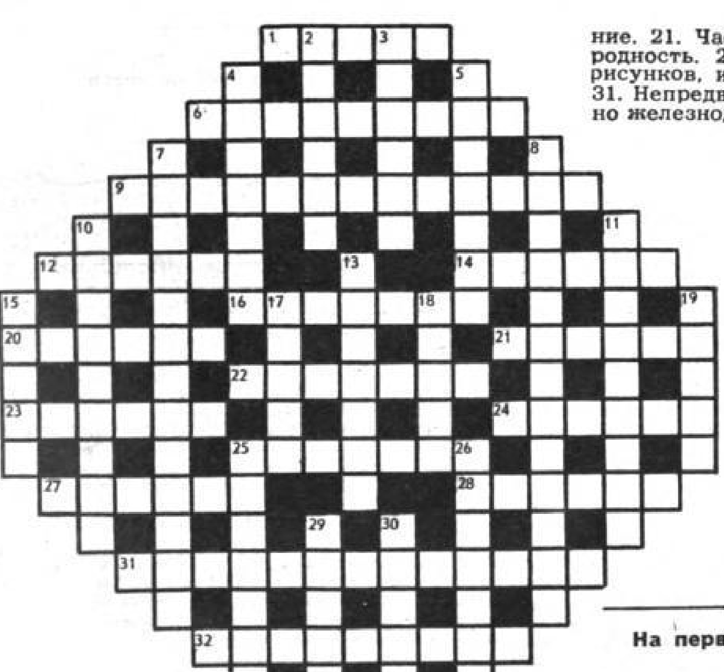
— Что вам угодно, Шорейс?

— Господин учитель, разрешите, пожалуйста, открыть окна.

Перевод с чешского.

Рисунок Л. Самойлова.

КРОССВОРД



По горизонтали: 1. Датский астроном XVI—XVII веков. 6. Стихотворный размер. 9. Перестройка, преобразование. 12. Птица семейства соколиных. 14. Тропический кустарник. 16. Положение, принимаемое без доказательств. 20. Украшение. 21. Часть текста. 22. Избыток влаги. 23. Бобовое растение. 24. Народность. 25. Столица африканского государства. 27. Художник, автор рисунков, исполненных на твердом материале. 28. Советский пианист. 31. Непредвиденное событие. 32. Цирковой боец в Древнем Риме. 33. Звено железнодорожной колеи.

По вертикали: 2. Величина колебания маятника. 3. Вид начала шахматной партии. 4. Документ. 5. Ответ на замысловатый вопрос, занимательную задачу. 7. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 8. Способность растений выносить морозы. 10. Повесть Ю. Либединского. 11. Фаза естественного спутника Земли. 13. Остров Малой Курильской гряды. 15. Поэма А. Блока. 17. Несущая поверхность самолета. 18. Двигатель. 19. Силач, храбрец у восточных народов. 25. Временная опора свода, арки. 26. Мощный громкоговоритель. 29. Река на севере Италии. 30. Ископаемая смола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. Понимаев. 6. «Крокодил». 9. Нерис. 10. Мороз. 11. Трике. 12. Скрепер. 13. «Разлив». 15. Вольта. 16. Ыгыатта. 18. Спираль. 21. Банка. 23. Скетч. 25. Ирис. 26. Спорт. 28. Люкс. 29. Обилие. 30. Щеголь. 31. Хамза.

По вертикали: 1. Видеотелефон. 2. Дейнека. 3. Браслет. 4. Поздравление. 5. Пломбир. 7. Ливенка. 8. Ариетта. 14. Выкса. 15. Вальс. 17. Абрикос. 19. Рупор. 20. Счастье. 22. Кисель. 24. Калуга. 26. Смех. 27. Теща.

На первой странице обложки: У новогодней елки.

Фотоэтюд В. Малышева (АПН).

На последней странице обложки: Идет урок жонглирования в школе циркового искусства. Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10632. Подписано к печати 3/I 1962 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2. Заказ 3342.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Перед выходом на сцену.

Фото Е. Умнова.



Самый

Зрители приветствуют главны





Теперь артисты не должны ждать команды помрежа; они следят за спектаклем по телевизору.

Честь открытия нового — самого большого в мире — музыкального театра в Кремле предоставлена коллективу Большого театра СССР.

Горячо принимают зрители бессмертный балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Одиллию-Одетту танцует Майя Плисецкая, Принца — Николай Фадеечев. Дирижирует Юрий Файер.





Юрий Гагарин поздравляет Майю Плисецкую с началом сезона в новом театре.

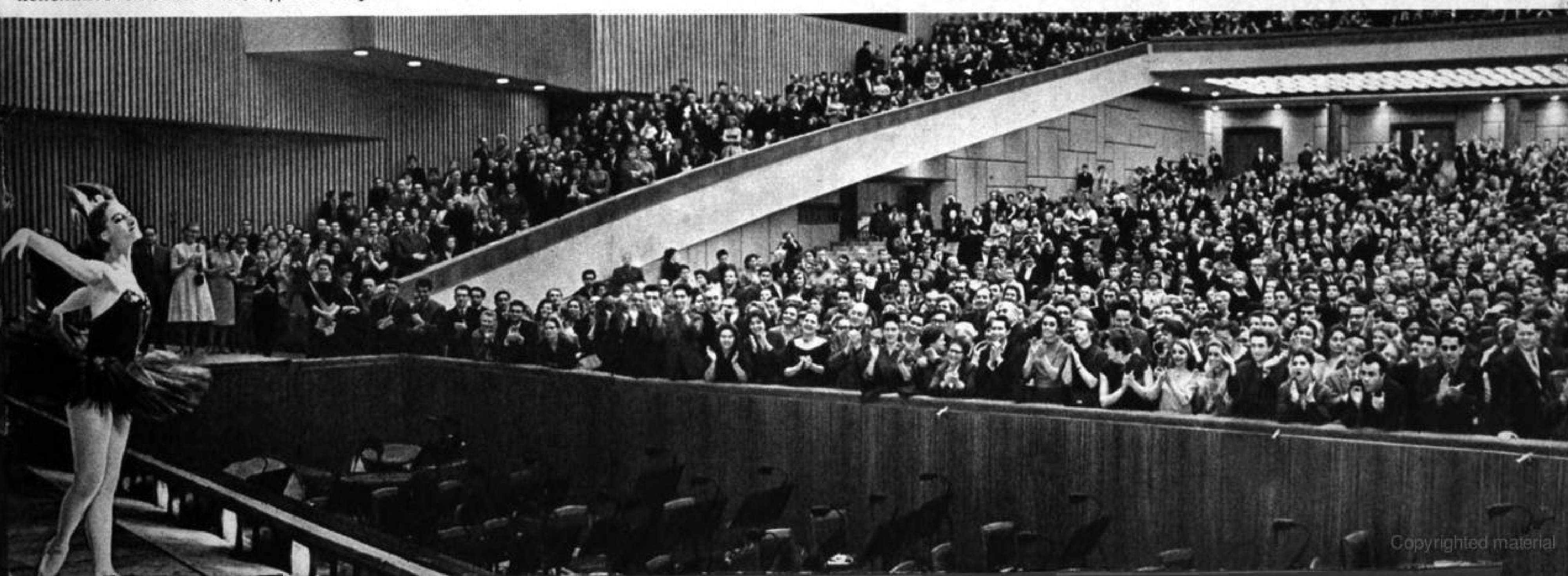
Идет спектакль...

большой театр мира



Ведет спектакль помощник режиссера А. Царман.

исполнителей балета «Лебединое озеро».




Цена номера 30 коп.